
Илья Колупалин

Эхо Погибших Империй

Последнее изменение: 03 февраля 2019

(с) Все права на эту работу принадлежат автору

1. ПРОЛОГ

Равнина Крофамгир. Середина весны 599 года после падения Эйраконтиса[1]

Амгори не мог даже предположить, что их ждет. Девять дней назад они высадились здесь, на северном берегу материка Таамун и теперь продвигались вглубь, все южнее и южнее. Величественное, сияющее воинство – мир еще никогда не видел такого внушающего трепет великолепия, какое излучали неустрасимые воины Карагала.

Мир содрогнулся от их поступи. Люди падали ниц, когда видели паруса их горделивых, изящных кораблей. Державы Роа признали господство карагальцев, ведь никто не мог бороться с Ментальными Воителями – карагальскими псиониками – которые одной лишь силой мысли взрывали землю, создавали на воде штормы, метали гигантские каменные глыбы и разбрасывали в стороны целые армии. Никто не смог противостоять мощи Великого Архипелага: флоты Эйраконтиса и Духарга были потоплены, Сиппур, Корхея как и большая часть государств Роа признали императора Карагала своим владыкой и обязались платить крупную дань.

Теперь лишь одна большая держава в известном мире оставалась непокоренной грозным островитянам – далекий Синкай в глубине материка Таамун. Но синкайцы не строили судов и не имели городов у моря, поэтому против них пришлось организовать сухопутный поход. Его возглавлял принц Кламильфонт, прозванный Блистательным, повелитель Амгори, и самый родной для него человек, которого он воспитывал с малых лет и наблюдал за каждым шагом, который тот делал в своей жизни.

И этот поход не нравился Амгори. Не только потому, что приходилось передвигаться исключительно по суше, а потому что само решение отправить армию в этот далекий, неизведанный край явилось неприятным результатом затяжной ссоры между принцем и его отцом, Лакхазеро ди Вайо, императором и всевладыкой Карагала.

Амгори видел, как появился на свет Кламильфонт, как он рос и набирался знаний. Амгори назначили его наставником, и молодой придворный отдавал всю душу и все свои силы ради того, чтобы юный принц получил как можно больше полезных умений и знаний, которые помогли бы ему стать в будущем достойным правителем величайшей в мире империи.

И труды усердного Амгори не прошли напрасно: Кламильфонт рос очень живым и любознательным мальчиком, он преуспевал буквально во всем, чему его учили, будь то древняя литература, пение, езда верхом или метание копья. Учитель не мог нарадоваться успехам этого вечно улыбающегося, неугомонного белокурого юноши, и очень скоро понял, что любит его всем сердцем, как родного сына.

Кламильфонт же продолжал делать успехи: в четырнадцать лет он знал наизусть все самые известные мифы и легенды Карагала, а в девятнадцать лет его не мог превзойти в искусстве фехтования ни один мастер из императорского замка Карамайнис. Наследник карагальского трона плавал во много раз быстрее, чем все его сверстники, намного дальше, чем они, метал копье, и при этом всегда находил время для чтения фолиантов по самым различным наукам, а также написанию собственных заметок и эссе.

Отец Кламильфонта, Лакхазеро, всегда восхищался успехами сына, но однажды он вызвал Амгори на личный разговор и заявил ему следующее: «Если однажды я узнаю, что мой сын связался с псиониками, или что он

под каким бы то ни было предлогом употребил кволидий – то, клянусь престолом, ты познаешь на себе всю силу моего гнева».

Императора можно было понять, ведь встать на путь Ментального Воителя означало сделаться духовным затворником, полностью отрезав себя от светской и государственной жизни. Более того, это могло помутить рассудок и изменить личность до неузнаваемости. Уже несколько веков ни один из императоров Карагала не выбирал для себя подобной судьбы.

Но Кламифонт, к тому времени уже прозванный придворными за свой необычайным ум и атлетизм Блистательным, был полностью поглощен изучением светских наук и прочему самосовершенствованию. Когда ему было двадцать три, он заявил, что намерен открыть в Карамайнисе собственный университет. Но этим планам не суждено было сбыться.

Однажды принц, любивший совершать смелые и удивительные поступки, заявил, что отправляется с дружественным визитом в Сиппур, чего не делал до него ни один представитель карагальской императорской семьи.

Деспотичный Лакхазеро сделал все, чтобы этот визит не состоялся, однако неугомонный Кламифонт все же совершил задуманное. Он видел себя в будущем просвещенным, благодетельным монархом, поэтому желал, чтобы жители материка смотрели на него не как на поработителя, а как на друга и покровителя. Амгори сопровождал его в той роковой поездке и всякий раз, вспоминая о ней, сокрушался, что не смог уберечь своего воспитанника.

Все началось благоприятно: в Акфотте их приняли с почестями, сиппурский король принял от Кламифонта щедрые дары, после чего принц имел множество частных бесед с важными персонами королевского двора. И был среди сиппурских придворных один философ и оратор по имени Сальпего, который особенно славился своим острыми умом и порою дерзкими речами. Некоторые подозревали его в колдовстве. Амгори впоследствии тысячекратно клял себя за то, что оставил своего мальчика в тот злополучный вечер наедине с ненавистным краснобаем. Вернувшись в выделенные ему покои, Кламифонт заперся и не разговаривал ни с кем до самой их посадки на корабль обратно до Карагала.

«Я жил во лжи... — наконец, проронил принц, когда они сидели в корабельной каюте. — Мы ничем не правим... это все лишь обман, мираж. Они насмеются над нами: пьют, пользуются женщинами, хохочут над похабными представлениями, а мы, напыщенные гордецы, сидим на своих скалах посреди моря и мним себя мировыми владыками! Ох, как же ошиблись наши доблестные предки...»

Когда же Амгори поинтересовался, в чем же именно была ошибка, Кламифонт скорчил невыразимо злобную гримасу и прорычал: «Все их королевства следовало уничтожить!» И более не проронил ни слова до прибытия домой.

Посещение Сиппура навсегда изменило Кламифонта: он сделался замкнут, раздражителен, молчалив. В нем угасла былая жажда знаний. Амгори так и не смог толком выведать у принца, что наговорил ему коварный Сальпего, и какими ядовитыми речами удалось помутить разум достойнейшего карагальского мужа.

Спустя какое-то время Кламифонт удалился на остров Кабехтойси, где жил уединенно и никого не принимал. Время шло, и сердце бедного Амгори истосковалось по милому принцу, и он решил, рискуя впасть в немилость, во что бы то ни стало навестить его.

Прибыв на Кабехтойси, Амгори нашел убежище принца, в которое он смог проникнуть, прибегнув к угрозам и обману. И сердце преданного наставника заняло от негодования, когда он встретился в дверях с Зрахосом со Светом – одним из членов Ордена Ментальных Воителей, от пагубного влияния которых Амгори должен был уберечь своего воспитанника.

Он застал Кламифонта склонившимся над огромной чашей, читающего вполголоса какие-то невнятные напевы. Тот был явно не рад видеть бывшего наставника и после долгих увещаний ответил ему раздраженно: «Теперь я познал, в чем есть истинная власть! Она не в копьях, не в могучих кораблях, не в сожженных дотла городах, не в изрубленных телах.... О нет!»

«А в чем же она?» — спросил готовый разрыдаться Амгори.

«Она вот здесь, она в головах», — ответил, Кламифонт, после чего расхохотался как безумец, и Амгори с отчаянной грустью понял, что продолжение разговора не имеет смысла.

Амгори разрывался между желанием рассказать императору про общение Кламифонта с Зрахосом со Светом и хрупкой надеждой отвратить одаренного принца от мрачного пути псионика, еще раз попытавшись самому поговорить с ним.

Но Амгори не успел ничего предпринять. По прибытии в Карамайнис его схватили слуги императора и бросили в темницу. Тяжко, уныло тянулись его дни в неволе. Амгори вскоре смирился с тем, что он проведет здесь остаток своей жизни, так как счел, что это и есть справедливое наказание за то, что он не уберег наследника престола от кволидиевой заразы.

Однако он не умер там. Кламифонт все же вспомнил о друге и вызволил из заточения, однако сделано это было вопреки воле отца. Поэтому Амгори был отправлен за пределы Карагала, в город Баррот в Таамуне, где ему было выделено жилище, слуги и денежное довольствие. Сам же Кламифонт оставил его, сказав на прощание:

«Здесь ты не будешь ни в чем нуждаться. Надеюсь, ты начнешь теперь новую жизнь. А меня ждут новые свершения. Я докажу отцу, что способен на большее, чем кто-либо может себе представить. Зрахос открыл мне истину, и теперь я узрел суть вещей как никто иной. Я благодарен тебе за все, наставник, и никогда не забуду твоей доброты, но теперь мне нужно двигаться дальше. Я становлюсь чем-то большим, чем прежде».

Тогда на глазах Амгори были слезы, ведь он считал, что они видятся в последний раз, и теперь ему суждено умереть в изгнании. Но через три года люди Кламифонта забрали его из Баррота, потому что принц хотел видеть своего учителя рядом с собой во время своего синкайского похода.

Оказалось, что принц решил снарядить армию для нападения на Синкай, чтобы доказать отцу-императору, что он является его достойным наследником и способен совершить нечто, что покроет славой весь род ди Вайо. Лакхазеро, после многочисленных споров, все же одобрил этот поход, хотя его отношения с сыном после этого еще больше ухудшились.

«Он надеется, что я сгину здесь», — с бесноватой улыбкой заявил Кламифонт Амгори, когда они высадились на берегу Таамуна.

Позже Амгори понял, что принц стал язвителен и груб, более того, его речь порой становилась попросту бессвязной. Он взял с собой огромную чашу, судя по всему ту самую, за которой Амгори застал его на острове Кабехтойси и много времени проводил возле нее, просто молча склонившись или что-то тихо бормоча. А еще ему компанию часто составлял Ментальный Лидер Зрахос со Свет, косматый сгорбленный человечек с бледным лицом и трясущимися руками, который стал теперь для Кламифонта подобием духовного наставника.

Стоял жаркий вечер. Влажные леса, через которые их воинство пробиралось уже в течение нескольких суток, наконец-то начали редеть, и теперь они выходили на обширную равнину Крофамгир. Пройдя мимо тихо переговаривавшихся у костра пехотинцев в тяжелых блестящих латах, Амгори повернул направо и через несколько шагов оказался возле пышного шатра, который занимал

Кламифонт ди Вайо. Когда он вошел, принц по обыкновению сидел с полузакрытыми глазами напротив своей чаши и не двигался. Светлые длинные волосы Кламифонта спадали ему на грудь, тонкие, почти женственные черты лица были прекрасны как и раньше, только теперь выражение какой-то вечной хмурости стало его постоянным спутником. Фигура, некогда статная и грациозная, теперь чуть ссутулилась, и принц с годами несколько раздался в боках.

— Не спите? — непринужденно начал разговор Амгори. — Что-нибудь слышно от разведчиков?

— Никаких следов синкайцев на многие мили вперед, — едва заметно покачал головой Кламифонт, даже не открывая глаз. Голос его звучал устало и приглушенно.

— Они могут попытаться устроить нам ловушку, — сказал Амгори.

— Не думаю, что мы встретимся с их отрядами в ближайшее время, — отозвался принц, начиная медленно вращать головой, словно разминая шею. — Путь еще долгий.

— Я тут подумал... — замялся Амгори. — Нам было бы неплохо поговорить... до того, как все начнется.

— О чем?

— О том... что произошло с вами. Я понимаю, что вы изменили свое отношение ко мне, и, пожалуй, готов согласиться с тем, что заслужил это. Но... несмотря ни на что, я все-таки считаю, что у меня есть право знать...

— Все, что тебе нужно знать, Амгори — это то, что я стал сильнее, — ответил Кламифонт тем же вялым тоном. — Большого бремени я не могу на тебя возложить. Ты и так догадываешься... с какими силами я связал себя.

— Кволидий? — произнес Амгори уже более взволнованно. — Вы пили его? И что этот Зрахос нашептывает вам?

— Не испытывай меня! — гневно сверкнул глазами карагальский принц, отставляя в сторону чашу. — Зрахос помогает мне... Он открыл мне такое, такое...

И тут судорога прошла по всему телу Кламифонта, он закрыл лицо руками и начал мелко трястись, бормоча что-то неразборчивое — такие припадки теперь случались с ним время от времени.

— Ты не должен говорить ему! — вдруг расслышал Амгори среди бессвязного потока. — Помоги нам! Ты должен это сделать... может быть слишком поздно...

Вновь раздосадованный, Амгори поспешил покинуть шатер, бессильно теряясь в догадках, что за недуг одолел славного Кламифонта.

«Ты не должен говорить ему?» — что бы это могло значить? Все это наводило на мысль о том, будто принц обращался к какому-то собеседнику внутри себя... с некоей неведомой просьбой. Это, возможно, и составляло суть его безумия.

«Ведь он не просто так забрал меня из Баррота? Я все еще важен для него... Смогу ли я чем-то помочь?» Амгори провел еще одну бессонную ночь.

Он был суеверен. Среди вельмож карагальского двора было не принято упоминать о Скорпионовом Проклятье, однако Амгори верил в него, и какая-то предательская часть его сознания была убеждена, что именно в ходе этой войны оно может претвориться в жизнь...

«Но нет! Кламифонт Блистательный слишком велик... Каким-то полудикарям не одолеть его. Такой могучий разум был послан Карагалу для того, чтобы сделать империю поистине непобедимой, и навсегда освободить народ от

древних страхов...»

И все же на сердце было беспокойно... Скверное предчувствие овладело Амгори.

Поутру он понял, что в лагере есть какое-то движение, поэтому поспешил выбраться из своей палатки и разузнать в чем дело. Он прошел мимо группы людей в черных плащах и несуразных серых шапках, обвешанных всякого рода цепями и амулетами из серебра. Псионики.

Они заговорщически переглядывались, не произнося ни слова, однако Амгори понимал, что они в данный момент общаются. Просто делают это невербально.

Было шумно. Солдаты сновали взад-вперед, офицеры в высоких цилиндрических шлемах и узорчатых панцирях выкрикивали какие-то приказы. Амгори решил, что нужно найти Кламильфонта. Сделать это оказалось не так просто.

Опросив с полдюжины офицеров, Амгори кое-как сумел узнать от них, что Кламильфонт сейчас находится в западной части лагеря и лично руководит подготовкой к наступлению. Оставив позади бесчисленные ряды шатров и палаток, Амгори, наконец увидел фигуру на коне возле небольшого холма, которая была очень похожа на принца.

— Эй! Могу я узнать, что происходит? — окликнул Амгори своего бывшего воспитанника, приблизившись.

Кламильфонт не сразу обратил на него внимание, однако через пару минут все же решил удостоить ответом:

— Синкайцы. Они рядом...

Амгори напрягся.

— Всадники были замечены к юго-западу отсюда. Возможно, их разъезды... Я жду возвращения своих разведчиков. А пока привожу армию в готовность.

Амгори пребывал в растерянности.

— Но как? — развел он руками. — Выходит, за нами следили с самого момента нашей высадки?

Вместо ответа Кламильфонт вдруг соскочил с коня, и, взяв Амгори за плечо, отвел его в сторону. Казалось, наследник престола был напуган.

— Амгори, ты был прав, — отрывисто произнес принц, тяжело дыша. — Мне есть, что сказать тебе... Но... не потому, что ты можешь помочь мне... нет, мне никто не поможет, — казалось, еще немного, и Кламильфонт заплачет. — Но я должен с кем-то поделиться этим. Я... я создал нечто... И не знаю, что делать...

— Что? Что вы создали, мой принц? — Амгори в испуге ухватил друга за шею, пытаясь заглянуть в его некогда светлые, чистые глаза. Но тот отводил взгляд.

— Мне... тяжело это объяснить, — срывающимся голосом произнес Кламильфонт. — Они теперь внутри меня, я не могу от них избавиться... Даже Зрахос не знает, что предпринять. Никто не может помочь мне, никто... Это так тяжело!

Принц затрясся в беззвучном рыдании. Амгори тотчас обнял его, прижал к себе как можно ближе, будто он снова был его добрым наставником, способным преодолеть любые невзгоды.

Но тут подбежал запыхавшийся солдат и прокричал:

— Ваше высочество, синкайцы! Взгляните на запад!

Амгори и Кламифонт встrepенулись, обратив свои взоры на запад, и действительно увидели на горизонте черную движущуюся массу, которая не могла быть чем-то иным, кроме как воинством обитателей Таамуна.

— Построить всех, приготовиться к битве! — Кламифонт резко выдохнул, хлопнул себя рукой по лицу, и снова вскочил на коня, отправляясь отдавать приказы.

Теперь он вновь был гордый предводитель самого могучего войска, не смеющий выказать даже тени слабости перед своими подданными.

— Не беспокойтесь, господин, — ободряюще произнес солдат, увидев оцепеневшего Амгори. — Псионики посеют хаос среди вражеской армии, а затем...

— Нет... — проронил Амгори, едва в силах шевелить языком, — я не... Что это там? Что?

— Армия синкайцев...

— Да нет... Вон там, на горизонте, приглядиись...

На северо-западе, над размытым массивом леса действительно виднелась какая-то широкая темно-синяя область.

— Тучи... — предположил солдат. — Надвигается гроза.

— Это не тучи, — ответил Амгори, не в силах оторвать взгляд от неведомой полосы, которая, казалось, все расширялась и расширялась.

«Что это?»

Воздух между тем начал пропитываться каким-то гулом, который с каждой минутой усиливался.

Амгори не был способен ни кричать, ни бежать, все его естество словно сосредоточилось на созерцании этой устрашающей картины.

А пугающая полоса в небе обрела уже такие размеры, что сомневаться в ее происхождении теперь не приходилось...

Волна. Титаническая, немыслимых размеров волна, гребень которой был виден даже отсюда, за сотни миль, шла с запада и теперь... должна была обрушиться прямо на Карагал.

«Скорпионово Проклятье...»

Хотелось верить, что это просто дурной сон. Началась паника; люди метались в ужасе, кто-то хватался за голову и рыдал, кто-то бросался на землю, вознося молитвы.

«Зачем теперь эта война? Если наша родина погибнет...»

Амгори увидел лицо Кламифонта, искаженное яростью и отчаянием. Принц что-то кричал, возможно, обращаясь именно к нему. Но Амгори не слышал, так как жуткий гул сделался уже невыносимо громким.

Стало темно, будто внезапные сумерки упали на равнину Крофамгир. Амгори рухнул на землю и затрясся; не в силах сдерживать захлестнувшую его лавину нечеловеческого ужаса.

[1] Дата падения древнего государства Эйраконтис (П.Э.) является реперной точкой в летоисчислении государств Роа.

несколько недель Ниллон пару раз уже замечал его: глухой, раскатистый, идущий словно из самого его нутра. Впрочем, никакого жара или же слабости Нил не ощущал, поэтому оснований думать, что он чем-то болен, он не находил.

Ниллон решил поклоняться по улицам Пранта, размять затекшие ото сна конечности. Ниллон никогда не считал, что живет в крупном городе, хотя Прант был вторым по населенности городом Союза Побережья после Меката. Жизнь всегда текла здесь в каком-то лениво-размеренном темпе. Люди с застывшим выражением мещанского спокойствия на лицах день за днем неторопливо плелись по своим делам. Ремесленники работали в своих цехах, торговцы продавали товар в своих лавках, Совет в Ратуше управлял делами города. В формально независимых городах Союза Побережья не было армии — они находились под защитой карифян, которые, по большому счету, составляли с ними единый народ: все они происходили от выживших переселенцев с погибшего более семисот лет назад Эйраконтиса.

Понятия техники и науки были чужды жителям Карифа (как, впрочем, и других государств Роа) — тем не менее, то тут, то там встречались мелкие осколки, напоминавшие людям об уничтоженной технократической цивилизации их предков. Так, Райджес Хиден рассказывал Ниллону, что прадед нынешнего городского головы Меката владел самой настоящей самоходной каретой, работавшей на нефтяном топливе. Позже в ней возникли неисправности, и чинить ее было некому; хотя она до сих пор стоит в мекатском городском музее на всеобщем обозрении.

Архитектура прантских зданий всегда радовала глаз; в основном здесь были небольшие, словно игрушечные, домики разных цветов: бежевые, коричневые, темно-синие, бирюзовые, нежно-розовые... Гости из соседних городов часто сравнивали Прант с лоскутным одеялом, на что местные горожане, впрочем, нисколько не обижались. Особой красотой, помимо всего прочего, отличались прантские крыши: изящно изогнутые, покрытые темной полированной черепицей, они безусловно являлись украшением этого приморского города.

Ниллон прошел мимо трехэтажного, стройного, вымощенного желтым кирпичом здания прантской ратуши, где работала его мать: здесь располагалась еще одна диковинка технической мысли: огромные механические часы, висевшие прямо на башне и позволявшие каждому прохожему, в поле зрения которого они попали, узнать, который сейчас час. Это была своего рода гордость Пранта, ведь в большинстве современных городов были площадные солнечные часы, которые, разумеется, не отличались особым удобством в использовании, а также не работали в пасмурную погоду.

Ниллон посмотрел на циферблат: металлические стрелки с завитками по краям показывали половину второго дня.

«Неплохо поспал. Что ж, чем бы теперь заняться? Пожалуй, пора навестить отца...»

Ниллон решил, что им есть о чем поговорить. Библиотека, где работал Омунд Сиктис, располагалась в двух кварталах от ратуши. Пройдя по длинной прямой Сатребской улице, поросшей тенистыми кленами, Ниллон свернул на улицу Гахира Бафроса, в конце которой и располагалось невысокое, но красивое и ухоженное здание библиотеки. С обеих сторон от входа росли невысокие аккуратные елочки. Взойдя по ступенькам из серого гранита, молодой человек оказался у дубовой двери с массивной узорчатой медной ручкой. Вовремя вспомнив о нормах приличия, Ниллон потянул за кончик свисающего сверху шнура, и где-то внутри здания раздался веселый звон колокольчиков. Через полминуты дверь отворилась, и на пороге показался человек лет пятидесяти с длинным острым носом и растрепанными волосами с проседью, одетый в холщовую мантию темно-синего цвета. Широко распахнутые от удивления глаза придавали Омунду Сиктису еще более чудаковатый вид. Тем не менее, он решил играть в игру, предназначенную для тех посетителей библиотеки, с кем он имел наиболее теплые отношения.

— Приветствую вас, молодой человек! — степенно произнес отец, — Я очень рад, что в этот чудесный солнечный день вы решили посетить храм книги! Очень разумный шаг с вашей стороны. Что ж, милости прошу!

На лице Ниллона уже заиграла умильная улыбочка, но он понимал, что прерывать отца не следует. Расшаркавшись, Омунд сделал приглашающий жест рукой, впуская сына внутрь.

После короткого коридора-прихожей, где царил полумрак, начинался огромный зал библиотеки, который был так уставлен стеллажами с книгами, что тяжело было поверить, что все это – единое помещение. Высокие потолки создавали акустический эффект, из-за которого каждый шаг отдавался гулким эхом. Здесь не возникало желания говорить: атмосфера была такой, что хотелось просто безмолвно приобщиться к таинству книги, ощущая себя лишь мальком в этом необъятном океане мыслей, событий, чувств, которые, накапливаясь веками, отпечатались на бумажных страницах.

Только Омунд Сиктис чувствовал здесь себя как дома. В этой несуразной мантии, с торчащими в разные стороны космами, он вел себя удивительно естественно, как какой-то неведомый книжный бог, рассказывая о своем святилище.

— Здесь, молодой человек, вы погрузитесь в такие глубины, и вознесетесь на такие высоты, о которых в мире, оставшемся позади, вы не могли и мечтать! — между тем они продвигались вглубь стеллажей к бюро, за которым работал отец, — Итак, что бы вы хотели прочесть? Чего жаждет ваша душа? Может, вы – пират, алчущий сокровищ, которому соленый морской ветер и звон абордажных сабель отраднее, чем тепло родного очага? Или мудрый правитель, по одному указанию которого летят головы злодеев и разгораются праведные войны? А может, вы – простой путник, заплутавший в дебрях коварного непостоянства этого мира? А? Что вы скажете?

— Похоже, тебе тут скучно, — произнес, наконец, Ниллон.

Через мгновение оба расхохотались.

— Месяц! — вдруг воскликнул отец. — Нил, ты можешь себе это вообразить? Ме-сяц! Такого у меня, кажется, еще никогда не было. Да, народ с годами не становится более читающим, но чтобы целый месяц ко мне никто не заходил... Даже не знаю, что думать на этот счет.

— По крайней мере, один верный читатель у тебя будет всегда! Сейчас меня занимает книга о Фесторе Гаухварте – ее я, правда, приобрел в книжной лавке: мне Эд порекомендовал. Стоящая вещь!

— Язык красивый, — отец почесал бороду, задумчиво кивая, — но историческая правда местами сильно искажена. Впрочем, твой выбор.

«Свобода выбора – самое ценное, что у нас есть, и в книгах в том числе. Этому научил меня ты».

— Я тут уже переживаю, — продолжил отец, — как бы у Совета не возникло желания закрыть библиотеку за ненадобностью.

— Этому не бывать, пап! Библиотеку тронуть они не посмеют.

— Когда-то так говорили и про университет, и про театр, — печально вздохнул Омунд Сиктис. — И что в итоге? Эх, ладно... Ты хотел поговорить?

Ниллон не сразу ответил. Он шел в библиотеку просто проведать отца, к тому же он давно не бывал в этом слегка загадочном, тихом месте. Но кое о чем он все-таки не мог умолчать.

— Ты знаешь, пап, меня беспокоит мать... — услышал он свой голос.

вскоре он почувствовал, как его лицо наливается кровью, а челюсти сжимаются в бессильном гневе.

— Карифяне ведь не пойдут на это? Верно, отец?

Омунд покачал головой.

— Карифяне в меньшинстве. И если они примут аклонтизм, у нас уже не останется выбора...

— Нас много! — с жаром уверил Ниллон. —

Карифяне, люди Побережья: мы – свободолюбивый народ, и не позволим навязывать нам сиппурийских богов! Геакронцы, хотя и живут под пятой тирана, но, думаю, тоже выступят против аклонтистов!

— Что ж, — вздохнул Омунд, — историю писать молодым. Я уступаю. Смею лишь надеяться на то, что я пролил на тебя свет просвещения в достаточной степени, чтобы ты не наделал по молодецкой горячности лишних глупостей.

— Твой вклад в мою жизнь ни с чем не сравнить, отец.

И, чтобы не съезжать на сентиментальности, Ниллон поспешно добавил:

— Ладно, я, наверное, схожу еще прогуляюсь.

Загляну к тебе, как дочитаю про Гаюхварта!

«Надеюсь, он не заметил дрожь в моем голосе...»

Омунд Сиктис кивнул, расплывшись в кривой улыбке.

Несмотря на произнесенную перед отцом речь, полную страстной решимости, Ниллон покидал библиотеку с тяжелым сердцем. Аклонты... Это чужеземное, жуткое слово свинцовой иглой пронзало его сознание. Вера, взявшаяся из ниоткуда почти полтора века назад... и покорившая мир. Страны Роа, не признавшие Святых Аклонтов своими богами, можно было перечесать по пальцам одной руки.

И теперь тень Чаши — а именно таков был символ аклонтистов — нависла и над Карифом. А значит, и над Союзом Побережья. Это не могло не беспокоить Ниллона. Пытаясь развеять тревогу, он продолжал бесцельные скитания по прямым, чисто выметенным улочкам Пранта. Ниллон сам не заметил, как оказался перед заброшенным зданием прантского театра. Он присел отдохнуть на ветхую скамейку, сиротливо стоящую на пустыре перед ним. Мать рассказывала ему, что в детстве она ходила сюда пару раз на спектакли, а потом театр закрыли из-за того, что городская казна несла лишь убытки от его содержания. Ниллон никогда не был в театре, да и желания наблюдать за представлением лицедеев у него не возникало, но вид огромного здания с обшарпанными стенами и чернеющими оконными проемами вызывал у него тоску.

«И снова эта ломота в теле... — подумал Ниллон. — И эта сонливость. Даже дышится тяжело...

— Кха-кха-кха...

«Черт! И снова этот кашель... Да что ты будешь...»

Вдруг его взор упал на русоволосую девушку, кутавшуюся в дорожный плащ. Она с растерянным видом разглядывала холодную громаду здания театра.

«Нездешняя», — решил Ниллон. Он всегда испытывал некоторую неловкость в общении с противоположным полом, даже если дело касалось пустяков. Но сейчас эта девушка выглядела так одиноко на фоне мрачного заброшенного здания, что он все же решился заговорить, ведомый простым желанием помочь незнакомке:

— Простите! — крикнул он, после чего девушка тут же повернула голову в его сторону. — Вы что-то ищете? Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Ну да. Вы его знаете? Слышала, он читает тут у вас какие-то до жути интересные лекции. Год назад я поступила в дакнисский университет: отец думал, из меня выйдет неплохой государственный работник. Наивный... Я не выдержала и двух месяцев усыпляющее скучных занятий и бросила это дело. Так что насчет Хидена?

— Ах, да, профессор... — Ниллон еще преобладал в некоторой растерянности. — Он читает лекции бесплатно, для вольных слушателей, в здании бывшего университета...

— Бывшего? Что-то у вас на Побережье сплошной упадок, куда ни глянь!

«Эх, что верно, то верно...»

— Но торговля процветает.

— Торговля! Много ли надо ума, для того, чтобы сдирать с людей деньги за всякие безделушки!

— Не могу судить о тех вещах, которыми ни разу не занимался, — пожал плечами Ниллон. — Быть может кому-то это покажется странным, но мне никогда не хотелось гнаться за большими прибылями... Мне всегда были больше по душе вопросы, так скажем, духовные... ну или, кх-м, философские...

Когда он произнес это, насмешливая улыбочка впервые покинула лицо его собеседницы, и она посмотрела на него как-то по-другому. Более заинтересованно.

— Так вы тоже ходите на эти его лекции?

— Да. Правда, последние три я пропустил. Послезавтра будет лекция, посвященная проблеме диктатуры — надо будет прийти. Начало в полдень.

«Промоем косточки Тиаму Дзару, и всем геакронцам заодно».

— Отлично! Тогда там и встретимся.

— Университет находится на Большой Ясеновой улице — это в десяти минутах ходьбы от Ратуши.

— Спасибо вам. Кстати, я ведь даже не представилась, — смущенно произнесла девушка. — Меня зовут Гелла. Гелла Брастолл. «Брастолл... Где-то я уже слышал эту фамилию... Только не помню, где».

— Мое имя — Ниллон. Можно просто Нил. Рад знакомству, Гелла! Быть может, перейдем к «ты»?

Девушка добродушно улынулась.

3. Глава 2

Акфотт. Конец весны 729 года после падения Эйраконтиса[1]

Черные, как уголь, стены акфоттского замка уходили высоко вверх, шпили башен терялись в небесной синеве. Мрачные стены этого древнего, но будто не тронутого временем сооружения, казалось, не оставляли человеку иного выбора, кроме как испытывать трепет и невольное восхищение.

Было довольно неприятно замечать в себе эти чувства, если ты не сиппуриец.

Недаром один из предшественников Йорака Бракмоса сделал этот замок своим, выселив из него сиппурийского короля, который стал, в сущности, не более чем декоративным элементом после принятия в 523 году Хартии Народных Свобод. Впрочем, народ Сиппура от этого не стал заметно свободнее, а вот вся власть в стране стала принадлежать лордам-протекторам, процедура избрания которых не была урегулирована до сих пор.

Кемал О'Цзун не первый год служил послом в Сиппуре, и прекрасно знал все уловки Бракмоса: например, он любил заставлять людей ждать. В Корхее, на родине Кемала, за такую непунктуальность могли плюнуть в лицо, невзирая на богатство и чин. Но заставлять человека почти час прождать на солнцепеке — это, пожалуй, было слишком даже для сиппурийца.

Близость моря не придавала свежести. Стоял полный штиль, и Кемалу оставалось лишь бесцельно всматриваться в туманный горизонт, опершись руками на горячий камень набережной. Когда-то там, далеко на западе, лежала древняя островная империя, Карагал, в представлении современных сиппурийцев — держава зла, порока и безумия. Если верить летописям Акфотта и Корхей-Гузума, тогда, в семнадцатый день второго месяца весны 599 года после П.Э. на западе, в океане Ба-Фуисс, поднялась волна, затмившая собой солнечный свет. Карагал, данником которого тогда являлся Сиппур, был уничтожен силами природы, подобно своему старому сопернику, Эйраконтису.

С тех пор прошло сто тридцать лет. Сиппурийцы были рады поскорее забыть о Карагале и о том унижении, которое было связано с его гегемонией. Но Кемал часто задавал себе вопрос: почему именно после этого страшного катаклизма в Сиппуре зарождается и начинает стихийно распространяться религия, ставшая впоследствии опорой всем и каждому в большинстве стран Роа: аклонтизм? «Может, я брежу? — думал Кемал. — Может, пытаюсь связать не связанное? Но обе эти истории безумно подозрительны и в них полно белых пятен. Впрочем, такие мысли лучше не высказывать вслух. По крайней мере, в Сиппуре — стране фанатиков и параноиков».

Время шло, а из замка так никто и не появился.

«Должно быть, у него ко мне действительно важный разговор», — рассудил Кемал, научившийся за время своей службы распознавать психологические приемы лорда-протектора.

Кемал истосковался по женщинам.

Втайне он желал, чтобы Бракмос отправил его на родину с каким-нибудь поручением. Разменяв пятый десяток, Кемал О'Цзун так и не обзавелся семьей — постоянные разъезды, пребывание в чужих странах не оставили ему времени для серьезных отношений. Но, как и любой мужчина, он был не чужд плотских утех. В бордели Акфотта Кемал предпочитал не заходить — большеглазые сиппурийки не привлекали его, к тому же он побаивался подмочить репутацию: даже приди он в веселый

лорда-протектора Сиппура и главы Церкви Аклонтон Йорака Бракмоса.

— Лорд-протектор ожидает вас, посол, — холодно произнесла Десма Традонт, распахивая дверь, после чего Кемал вошел внутрь, а Десма последовала за ним, оставив стражу за дверями.

По крайней мере, одним своим качеством Йорак Бракмос выгодно отличался от остальных правителей государств Роа: отсутствием чванливого высокомерия, которое появляется от избытка власти. Кемал до сих пор помнил, как в бытность свою послом в Шейкате, ему приходилось подолгу ждать, когда жирный аймеротский князь Мансив Наджар перестанет чесать бороду, раскуривать кальян и соизволит обратить на него внимание.

Бракмос же был не таков: он сразу энергично вскочил со своего кресла, высоко вскинул руки и, улыбаясь во весь рот своими белоснежными зубами, направился к Кемалу, чтобы дружески обнять его. Корхейцу было немного не по себе от таких объятий, с тех пор как он услышал историю о том, как однажды, точно также обнимая одного своего генерала, Бракмос достал из рукава кинжал и всадил тому промеж лопаток.

Но сейчас лорд-протектор источал радушие.

— Десма, милая, оставь нас наедине, — проворковал Бракмос, после чего девица Традонт подчинилась, но как будто осталась чем-то недовольна.

«Фаворитка, — подумал с презрением Кемал, не первый раз наблюдавший за странной нежностью в общении Йорака со своей адъютанткой. — Спит с ним, наверняка. Впрочем, какое мне дело?»

Лорд-протектор и посол сели в кресла напротив друг друга. Йорак Бракмос прямо-таки лучился изнутри; в нем было все безупречно: черные космы волос, прикрывавшие его уши, точеные черты лица, ослепительно белая мантия с застежкой из черного золота у шеи.

— Кажаб? — предложил Бракмос, указывая на глиняную бутылку сиппурийского змеиноного ликера, стоящую на резном столике из ясеня.

— Позволю себе дерзость отказаться, ваше преподобие, — Кемал предпочитал обращаться к Бракмосу именно так, подчеркивая тем самым, что во всем, не касающемся дел религии, тот ему не господин.

— Ну а я осушу рюмку за ваше здоровье, — не прекращая улыбаться, произнес лорд-протектор, после чего немедленно осуществил свою угрозу.

— Что пираты, ваше преподобие? — поинтересовался Кемал. — Макхарийцы больше не жалуются на набеги?

— Давеча из Шакмайфо пришла весть, что на побережье по-прежнему неспокойно. Видимо, король Гакмоло не торопится наладить отношения с Макхарией.

— Пираты не подчиняются королю. Вы же знаете...

— Довольно, — жестом прервал Бракмос, как будто сердясь. Но Кемал знал его натуру: это не гнев, а попытка смутить визави резкой сменой настроения. — Я вас пригласил не для того, чтобы пиратов обсуждать. Меня больше интересует то, что происходит внутри вашей страны.

— Могу я спросить, что именно?

— Как что? Измена.

Кемал побледнел. Такими вещами Йорак Бракмос точно не станет шутить.

— Измена? Не могли бы вы уточнить...

— Послушайте меня, господин О'Цзун, — повысил голос Бракмос, вставая с кресла и закладывая руки за спину. — Я предлагаю вам опустить последующее ломание комедии на тему того, что вы знать не знаете, чем занимается в

вашем государстве принцесса Батейра.

Кемал, посмотрев в глаза лорду-протектору и несмело кивнул.

— Итак, не сыграть ли нам в «правду»? Я задаю вопрос, а вы честно отвечаете на него. И не смейте лгать и уваливать — я знаю все ваши уловки. Договорились?

— Будь по-вашему.

— Чем занимается в вашей стране Яшань Демцуэль?

— Он ратует за создание в Корхее автохтонной Церкви Аклонтов.

— Нет, господин посол, он не ратует! — взвизгнул Бракмос. — Он подбивает народ на измену, и у него уже целая армия сторонников: таких же омерзительных смутьянов, как он сам! Будете утверждать, что не знали об этом?

— Прошу меня простить, ваше преподобие. Но я действую исключительно в интересах Корхеи.

— Так действуйте, Кемал, действуйте! Кто вам мешает? И, поверьте, как раз в интересах Корхеи покончить с этими религиозными распрями. Вы хоть понимаете, что подобные действия ставят под удар все могущество нашего альянса? А этого я просто не могу допустить. Поймите, Икмерсиды могут просто не удержаться на троне, а если это и произойдет, лично я сочту это меньшим злом!

— Хорошо. Давайте вместе обсудим, как лучше разрешить это дело.

Йорак Бракмос подошел к окну, молча вглядываясь в морскую гладь с нарочитым безразличием.

— У меня нет корхейского заложника, — негромко, но отчетливо проговорил сиппурыйский правитель. — Он нужен мне, чтобы иметь рычаг влияния на вашего короля... Вы не сгодитесь — сразу говорю.

— Король Гакмоло едва ли согласится предоставить вам своего сына и наследника, принца Гарука. Но принц Бьеджар или принц Хирам вполне могли бы...

— Мне не нужны принц Бьеджар и принц Хирам, пропади они пропадом! От них толку будет меньше, чем от некоторых моих советников: Гакмоло не сильно расстроит их смерть.

Бракмос вновь выдержал паузу.

— Мне нужна его дочь, принцесса. Это усилит рвение корхейского двора к борьбе против отступников, а я, в свою очередь, гарантирую Батейре Икмерсид безопасность и учтивое обращение.

Кемал перевел дух.

— Сомнительный вариант. Батейра единственная дочь Гакмоло, он души в ней не чаает и не пойдет на это...

— Пойдет. Вы убедите его в этом.

Кемал медленно поднял глаза на лорда-протектора, опасаясь, что в них тот прочтет вопрос: «Иначе?...»

— Иначе я уничтожу ваше государство. Поверьте, я действительно пойду на это, если вы не оставите мне выбора.

«Блефуешь, подлец, — подумал Кемал. — Блефуешь. Пожалуй, ты и вправду намерен начать войну. Но только не против Корхеи. Мы как раз нужны тебе. Наш флот».

— Я сделаю все от меня зависящее, ваше преподобие, — уверенно заявил корхейский посол, поднимаясь на ноги.

[1] Дата падения древнего государства Эйраконтис (П.Э.) является реперной точкой в летоисчислении государств Роа.

людского общества, и не сильно переживала из-за отсутствия семьи.

«Государство – вот моя истинная семья, — часто говорила она себе. — Великий правитель, доко [1]

Дзар — вот единственный предмет моего восхищения и преклонения!»

Кира Меласкес жила одна, в маленьком кирпичном доме на Мясницкой улице. Ее родители уже давно покинули этот мир. Отец служил в пограничном отряде и погиб в стычке с предателями, пытавшимися бежать в Кариф — Кира была тогда еще совсем девчонкой. А матери не стало двенадцать лет назад — ее забрала чахотка.

Несколько необычным для постороннего человека был тот факт, что Кира почти нисколько не тосковала по родителям. Единственное, что она помнила об отце, так это то, что он то и дело кричал на мать, да так, что Кира постоянно съеживалась и забивалась в дальний угол, чтобы не быть свидетельницей их бесконечных ссор.

Мать же после гибели супруга ожесточилась сердцем, превратилась в угрюмую и озлобленную женщину. Она вечно наказывала дочь за мелочи: трепала за волосы, лишала пищи, а однажды, когда Кира порвала юбку в драке с одноклассницами, заставила снять ее и пройтись в таком виде по кварталу. Но больше всего мать любила лупить Киру специальной деревянной дощечкой, которая висела в комнате девочки как напоминание о необходимости послушания. Кира несколько раз сбегала от матери, но жандармы ловили ее, и дома девочку всякий раз ожидала жестокая взбучка.

Когда мать заболела, Кира сбежала от нее в последний раз — только чтобы не заразиться. Больше всего она боялась, что мать сможет побороть болезнь: упитанная, полная сил, та никогда не создавала впечатления слабого здоровьем человека. Но перед своим побегом Кира украла у нее все деньги — чтобы мать точно не смогла достать лекарства.

И мать умерла — к радости и облегчению Киры. На похоронах она бросила в ее могилу ту самую дощечку, которой мать била ее, — и впервые за многие годы вздохнула полной грудью. Тогда она стала полноправной и единственной хозяйкой кирпичного дома на Мясницкой улице.

Кира любила свой дом, в нем ей было хорошо и уютно. Она все здесь постаралась обустроить на свой лад: чтобы о прежних временах не осталось даже памяти. А вот гостей она не слишком жаловала — по мнению Киры, дом — место сугубо личное, и вторжение всегда казалось ей чем-то оскорбительным. Впрочем, и друзей-то у Киры почти не было: в школе она всегда была изгоем и от сверстников получала лишь тычки и издевки. Лари Кьял был ее единственным другом и товарищем по службе, однако и ему Кира не могла полностью открыть свою душу.

В ту ночь Кира спала спокойно, безмятежно. Ей приснился довольно странный сон: в нем Освин Варкассий был ее отцом. Они сидели вместе за столом дома у Киры и складывали фигурки из бумаги (в детстве Кира действительно очень любила этот вид занятия). Старик что-то говорил ей тихим голосом и улыбался.

Проснувшись, Кира поняла, что ей пора собираться на службу. Она поспешно оделась, затем наскоро позавтракала и умылась, после чего направилась в генеральский штаб. На рабочем месте ее уже ждал Лари Кьял — ровесник Киры, тощий человек с редющими волосами, глубоко посаженными глазами и крючковатым носом, который теперь был красным из-за болезни. Шею он обмотал шерстяным шарфом рыжего цвета. Вид у Лари был явно недовольный: он даже не соизволил поприветствовать Киру.

— Ты вчера оставила папку неотсортированной? — гнусаво проворчал он.

Отпираться было глупо.

— Я...

— Ну вот! А влетело мне, — Лари громко высморкался в свой носовой платок, — Что-то старый хрен в последнее время как с цепи сорвался. Даже не похоже на него.

«Ты прав», — подумала Кира, но промолчала.

Кира уселась за свой стол, и разложила перед собой бумаги, стараясь делать вид, будто она и не опоздала вовсе. За опоздание можно было схлопотать разжалование и ссылку в отдаленную область, но только не в том случае, если твой начальник — Освин Варкассий. Пожилой генерал никогда не любил тиранить своих подчиненных, однако, учитывая его теперешнюю раздраженность, от него можно было ждать чего угодно.

Вскоре дверь генеральского кабинета распахнулась, и оттуда вылетел седоволосый, аккуратно подстриженный человек в генеральском кителе, галифе и черных сапогах. Лицо его выражало крайнее раздражение, даже ярость: таким его Кира еще не видела никогда. Генерал Варкассий обнажил нижние зубы в нелепом оскале, тупым взором глядя на своих подчиненных.

— Кира, Лари... Сегодня вы мне больше не понадобятся. Можете идти.

Товарищи испуганно переглянулись.

— Но, ваше превосходительство, — попыталась возразить Кира, — Мы не имеем право оставлять место службы. Если узнают, что мы...

— За вас отвечаю я! — Варкассий рявкнул так, что Кира аж подскочила на стуле, — Ваше дело — выполнять то, что я вам велю. Вон! Оба! Живо!

Теперь уже пришлось подчиниться.

Спускаясь вниз по каменной лестнице, Кира и Лари не смели заговорить друг с другом. Однако когда они вышли на улицу и удалились от караульных у входа на достаточное расстояние, Кира негромко произнесла:

— С Варкассией творится что-то неладное, Лари.

Спустя где-то час своего пребывания в засаде Кира была вознаграждена: дверь штаба распахнулась, и оттуда показались три фигуры в серых плащах — караульных как будто не смущало присутствие незнакомцев. Быстро обмолвившись о чем-то, двое из них отправились прочь, третий же — в сторону госпиталя.

«Это мой шанс», — решила Кира.

Выждав за толстой каменной колонной, пока человек в сером плаще пройдет мимо, Кира медленно отправилась вслед за ним.

Незнакомец свернул за угол — Кира последовала за ним, сохраняя дистанцию. Они шли по Второй Глинобитной улице: здесь было довольнолюдно, и Кира не боялась, что может вызвать подозрения. Спустя минут десять преследуемый свернул в Жабий тупик — место, довольно редко посещаемое благополучными гражданами.

«Ну что ж — поздно идти на попятную. А иначе, зачем я все это затеяла?»

Незнакомец проследовал в бар «Унисолтис» — Кира раньше здесь не была и могла лишь гадать, какие личности околачиваются внутри. Увидев, что внизу у входной двери отсутствует один кирпич, она решила затолкать в проем китель, так как внутри он только помешал бы ей и мог вызвать ненужные вопросы.

Еще не переступив порог, Кира поскользнулась и непременно расшибла бы себе колено, не успей она выставить руки при падении. В том месте каменная плитка была невероятно гладкой и скользкой, будто бы ее чем-то отполировали. Тихо ругнувшись и поспешно оправившись, Кира вошла внутрь, радуясь, что никто не увидел ее конфуза.

В «Унисолтисе» стоял полумрак, а в воздухе пахло табаком и дешевой выпивкой. В баре было немногочисленно, однако почти все присутствовавшие посетители обернулись на Киру, когда она вошла. Ощувив на себе мужские взгляды, — презрительные, оценивающие, похотливые, — Кира растерялась и даже позабыла на какое-то время, зачем она здесь.

«Какой кошмар, — думала она в смятении, — Ведь они смотрят на меня, как будто я... как будто я... Нет, нет, я не могу произнести это слово даже мысленно. Мать за одно такое слово отдубасила бы меня до лиловых ягодичек. Знаю, женщины в южных странах занимаются этим на вполне законных началах... Но у нас в Геакроне мудрый доко Дзар бдит за общественной нравственностью, как бдел его отец. Однако... Кира, соберись! Ради своей цели ты должна взять себя в руки. Именно роль такой женщины ты и сыграешь... И если этот человек тот, за кого ты приняла его, это должно сработать».

Увидев человека в сером плаще, расположившегося за третьим столиком от барной стойки, Кира воспрянула духом и направилась в его сторону, стараясь сохранять спокойный и непринужденный вид. Как ни в чем не бывало опустившись на стул напротив незнакомца, Кира тепло улыбнулась и спросила как можно приветливее:

— Надеюсь, не против?

Человек сидел, откинув капюшон. Его выразительное румяное лицо обрамляли густые темные кудри. Живые карие глаза глядели на Киру дерзко и вместе с тем удивленно.

— Конечно, не против, красавица! — Кира не была красавицей, однако понимала, что мужчина лжет, чтобы сделать ей приятно.

— Кира, — представилась она.

—
Чу

дно имя, — незнакомец криво улыбнулся. — Я — Пэйон. И что же делает славная девушка с именем Кира в столь неприглядном заведении?

Пэйон (если только это было его настоящее имя) уже сейчас вызывал у нее серьезные подозрения. Человек этот странно выделялся на фоне остального сброда, наполнявшего бар. Он был недурно одет, обладал какими-никакими манерами, а что самое главное, не был так угрюм, как остальные клиенты, большинство из которых мрачно склонилось над своими кружками с пойлом. Напротив, Пэйон, пребывал в бодром настроении, и с каждой минутой смотрел на Киру, казалось, с все большим интересом.

— Ну... если честно, я немного заскучала, и решила попытаться счастья... пусть даже в столь невзрачном месте. И, как вижу, не ошиблась, — последнюю фразу Кира произнесла с нежным придыханием, слегка вскинув брови.

Это произвело должный эффект: Пэйон встрепенулся, не сводя с Киры глаз, шевельнул кадыком, ноздри его затрепетали.

«Отлично. Когда мужчина возбужден, он забывает об осторожности, и, следовательно, выше вероятность того, что он совершит какой-то промах».

Тут к ним подошел слуга и осведомился, чего желают почтенные граждане.

— Мне коньяку! — заявил Пэйон. — Три рюмки, не меньше!

Слуга явно смутился, недоуменно переводя взгляд то на Киру, то обратно на Пэйона.

— Простите великодушно... — бормотал он, — Но какой... какой...

«Да, и действительно, — подумала Кира со злорадством, — какой

еще к черту коньяк? Коньяк никогда не производили ни в Геакроне, ни в Карифе. Так зачем же пытаться заказать его здесь?»

Пэйон поспешил разрешить заминку:

— Я... я... Ах, да, конечно! Конечно, я заплачу тебе. Скажи лишь, сколько... Для тебя мне не жаль ничего, милая Кира!

Этот человек беззастенчиво пытается ее купить. Немыслимо...

Теперь она уже не сомневалась – она знала точно: он не геакронец, и даже не карифиянин. А поскольку въезд иноземцам в Геакрон закрыт, он пребывает здесь тайно, и с какой-то злоумышленной целью.

И, следовательно, может быть очень опасен.

— О, это не главное, — Кира нахмурила брови в притворном смущении. — Но прежде чем мы начнем, ты должен честно ответить мне на один простой вопрос. Только непременно обещаешь быть честным!

— О, Кира! Мое сердце – открытая книга для тебя! Спрашивай, что угодно.

— Что ты делал в штабе генерала Освина Варкассия?

Пэйон шарахнулся назад, словно от ядовитой гюрзы, побледнел, нервно забегал глазами по бару. Еще мгновение – и он вскочил, стремглав бросившись к выходу. И тут Кира пожалела, что не дала ему напиток покрепче. Однако не успела она как следует испугаться, что цель ее вот-вот ускользнет, как увидела, что Пэйон падает как раз на том злополучном месте, где она сама поскользнулась, входя сюда.

Не теряя времени, Кира кинулась на беглеца, попутно доставая спрятанный под юбкой кинжал. Кира была отнюдь не хрупкого сложения, и применять силу ей было не впервой: она навалилась коленом на живот чужака, приставляя клинок к его горлу.

— Эй, бармен! — крикнула Кира командным тоном. — Зови своих вышибал! Я – капитан Кира Меласкес. Именем закона я требую оказать мне помощь в задержании сиппурийского шпиона!

[1]
До

ко – вежливое обращение к мужчине в Карифе и некоторых сопредельных государствах.

покои без дозволения, Десма, — холодно процедил Нойрос.

— Ох, простите, простите, светлый господин! — сестра начала ехидно кривляться — это было в ее манере.

Десма, будучи довольно невысокого роста, была не слишком красивой, но обладала, по наблюдению Нойроса тем «обаянием гадюки», которое притягивало к ней внимание мужчин. Ловкая наездница и фехтовальщица, сестра не признавала платьев, называя их «тряпьем для кукол», и предпочитала мужское одеяние. Сейчас на ней были темно-серые бриджи и расшитая золотом рубашка с гербом Сиппура, черной коброй, — несмотря на юный возраст, Десма уже входила в окружение лорда-протектора, и этот знак указывал на ее принадлежность к государственной службе.

— Оставь свои идиотские ужимки. Что тебе нужно?

— Что мне нужно? — изумилась Десма. — Ха! Мне-то как раз ничего. Вопрос в том, что нужно тебе. Отец с матерью уже ждут тебя внизу. Ты вообще собираешься становиться аклонтистом? Лорд Бракмос будет недоволен, если узнает о твоей неспешности в делах веры.

Они уже спустились на первый этаж виллы по ступеням из белого мрамора.

— О, в религиозном рвении мне тебя никогда не перещеголять! — усмехнулся

Нойрос. Сестра и правда была фанатичной аклонтисткой — в этом смысле, полностью дочь своей матери, только с куда более воинственным нравом.

— Кто бы сомневался!

Так, перебраниваясь, они подошли к выходу, где уже ожидали их родители, Аглара и Пфарий Традонты. Мать, тихая и набожная женщина, стояла, облаченная в длинное белое платье и белую шаль, глядя на сына с нежностью и с гордостью в то же время. На отце был сиреневый парадный халат, расшитый разноцветными нитками. На груди был выведен фамильный вензель Традонтов — совершенно нечитаемый, со множеством закорючек и переплетений.

Пфарий Традонт, крепкий среднего роста мужчина, всегда довольно вяло обнаруживал свои эмоции, а густая черная борода делала его лицо и вовсе непроницаемым. Даже сейчас можно было подумать, что отец относится к происходящему безразлично. Но Нойрос слишком хорошо его знал, чтобы поверить в это.

— Ах! Ну что же, нам пора! — мать взволнованно всплеснула руками.

«Ох уж эти ее картинные жесты. По-моему иногда она переигрывает».

— Полагаю, ты готов к сегодняшнему дню... — отец любил произносить банальности с чопорным видом, при этом еще и умудряясь не выглядеть нелепо.

Отец занимал высокий пост при дворе короля Кайлеса Дальсири. Однако Нойрос был достаточно умен, чтобы понимать, что король — лишь марионетка, нарядная кукла, существующая для придания Сиппуру более величественного статуса. На деле же вся полнота власти принадлежит Йораку Бракмосу. «Ему-то и служит отец, — размышлял Нойрос. — Только он делает это более незаметно, не так, как Десма. Наверняка он шпионит при дворе: находит неугодных, сообщает о них Бракмосу... Такие люди, как отец, опаснее крикливых самодуров: молчаливые, себе на уме, они ведут свою потайную игру. Отец непредсказуем — вот в чем его главный козырь. Хорошо, что я его сын».

Сам же Нойрос был не таков: он сторонился двора

и общества лорда Бракмоса. Еще больше он сторонился Десмы. И все же он не мог не понимать, что сейчас самое время позаботиться о своем будущем. Иначе о нем позаботятся сами родители, и добром это не кончится. При всей своей неприязни к большинству сиппурийских чиновников и вельмож, Нойрос считал, что аклонтизм – лучшее, что могло случиться с Роа, хотя сам он предпочитал посещать кабаки и бордели, нежели изучать учение Преподобного Мастера.

Нойрос знал, что в глубине души родители ненавидели его за дерзкий нрав и за тот разнузданный образ жизни, который он вел еще со времени своего обучения в гимназии. Для него было обычным делом явиться домой вдребезги пьяным, зачастую в грязи и крови после драки с каким-нибудь кабачным забулдыгой. Но все это сходило Нойросу с рук – никто не был в силах оградить знатного сына от кутежа и разгула.

Тем не менее, теперь перед Нойросом стояла задача: как лучше послужить своей стране и вере? Путь государственной службы был закрыт: там его ждет водоворот всевозможных ухищрений и низостей. На это он не был готов. Стезя религиозного служителя также не улыбалась Нойросу: во главе сиппурийской церкви стоял все тот же Бракмос, с которым совершенно не хотелось иметь дело. Да и навряд ли Нойросу позволили бы заниматься церковными делами, учитывая его репутацию гуляки сластолюбца.

Более всего Нойрос питал интерес к ордену Ревнителей Покоя Чаши – организации, призванной следить за лояльностью населения аклонтистскому режиму. Эти люди должны были вразумлять тех, кто сбился с пути Покоя, а самых непокорных – карать. И хотя было понятно, что Ревнителю – тоже часть пирамиды, на вершине которой стоит Йорак Бракмос, все-таки Нойрос не оказался бы в непосредственном подчинении у лорда-протектора в случае присоединения к Ревнителям. В ордене было свое начальство. Особенно Нойросу грели душу слухи о том, что Ревнителю – народ не слишком дисциплинированный, который отнюдь не гнушается самыми нескромными увеселениями.

Конечно, родители вряд ли одобряют такое решение, учитывая, что род Традонтов довольно знатен, и их отпрыск мог бы найти занятие куда более достойное своего имени. Особенно огорчится мать. Но что с того? Если не проявить волю сейчас, то в дальнейшем его могут и вовсе превратить в безропотного солдафона, коих в избытке и при дворе, и в окружении лорда-протектора.

«Сейчас лучше развеять посторонние мысли, — сказал себе Нойрос. — Они не должны понять, что в данный момент меня заботит что-то, кроме гапарии».

Нойрос решил напоследок взглянуть в большое старинное зеркало с серебряной окантовкой, висящее у входа. Его почему-то всегда придавал уверенности вид собственной внешности. Да, самовлюбленно, но таков был Нойрос... Коротко подстриженные черные волосы обрамляли его худое, немного бледное лицо. Темно-карие глаза глядели с упрямой решительностью, однако в них все же читался какой-то болезненный блеск. Тонкие губы были сжаты в напряжении. В его широкоплечей, стройной фигуре необычным образом сочеталось изящество и мужественность.

«Быть может, в следующий раз я посмотрю в это зеркало уже совсем другим человеком».

Нойрос сглотнул и повернулся к выходу. Пора. Семейство Традонтов покинуло свою белокаменную виллу, направившись к роскошной, запряженной четверкой лошадей карете, которую слуги в фиолетовых праздничных мундирах уже заблаговременно подали к калитке. Перейдя цветочный сад с журчащими фонтанами, семья собралась рассаживаться по местам, как вдруг Десма заявила:

— Езжайте! Я — на конюшню. Догоню вас быстро. Мать в недоумении вскинула брови:

— Десма, дочь, как же так? Я думала, мы поедем все вместе, в одном экипаже...

Сестра только усмехнулась:

— Ха! Десма Традонт в повозках не ездит. Только верхом!

«Глупая гордячка. Пусть делает, что хочет. Хоть бы и вовсе ее не видеть».

Отец дал команду, и экипаж тронулся. Но желание Нойроса не сбылось, а Десма сдержала свое слово: не прошло и пяти минут, как сестра поравнялась с их каретой, сидя на ладном гнедом коньке, который был подарен ей лордом Бракмосом на совершеннолетие.

Глядя на брата с высоты своего седла, Десма то и дело отпускала колкие шуточки, провоцируя его на ответные выпады. Аглара кротко призывала детей к тишине. Отец по своему обыкновению хранил молчание.

Акфотт был величественный город, хотя порою шумный и грязный. Особенно в такие ясные, солнечные дни как этот, на его улицах чувствовалось какое-то праздничное настроение. История многих тысяч лет словно насквозь пропитала эти мостовые, дворцы, колоннады, продолжая жить среди городской суеты эхом давно забытых событий.

Они проехали мимо Овального дворца – древней постройки времен войны с Кампуйисом, которую сейчас занимал Декирий Ганат, один из ближайших советников лорда-протектора. Это причудливое, но весьма изящное сооружение овальной формы было выкрашено в бледно-зеленый цвет, а наличники его узких окон были украшены множеством золотистых узоров.

Далее экипаж Традонтов проехал мимо поистине восхитительного здания акфоттской библиотеки: две древние высокие прямоугольные башни соединялись потрясающей дугообразной крытой галереей. Это было чуть ли не самое древнее здание Акфотта, настоящая гордость сиппурийской столицы.

Вскоре они подъехали к огромному зданию в центре города, увенчанному широким перламутровым куполом и шпилем, который оканчивался бронзовой чашей. Это и был акфоттский Храм Аклонтов, являющийся частью столичного храмового комплекса, построенного чуть более ста лет назад.

Десма оставила своего коня у коновязи на противоположной стороне улицы, а карета, в которой ехал Нойрос с родителями, остановилась неподалеку от входа в храм.

— Ступайте, дети, — промолвил отец. — У нас с матерью еще есть дела. Нойрос, теперь ты воистину станешь последователем веры в Святых Аклонтов. Сегодня ты в первый раз ощутишь их благодать. Десма, — он смерил дочь многозначительным взглядом, — будь добрее к брату.

Та в ответ лишь изобразила на лице подобие улыбки.

— Ну, Нойрос... Мы проводили тебя, — мать заметно волновалась. — Сегодня – счастливый день для нашей семьи. Ты по праву станешь адептом Чаши! — она крепко обняла Нойроса, потрепав за плечо, — Мой сын...

Нойрос с безразличием заметил, как Десма закатывает глаза.

Попрощавшись с детьми, Пфарий и Аглара сели обратно в карету и уехали, а Нойрос остался в обществе нелюбимой сестры. Пройдя под сводом грандиозной широкой арки, свод которой был покрыт искусным орнаментом из малых и больших чаш, они очутились в широком пространстве зала храма. Десма сказала ему:

— Отправляйся в первый ряд. Там сидят те, для кого эта гапария первая.

Нойрос был новичком в делах религии, поэтому, несмотря на всю свою неприязнь к сестре, был вынужден ей довериться. Если и было на свете что-то, к чему Десма Традонт относилась без иронии и насмешек, так это ее вера, аклонтизм.

Сине-голубые мозаичные узоры покрывали стены и купол храма изнутри – из-за них создавалось ощущение, будто находишься под открытым небом. Под самым куполом висела огромная серебряная чаша – источник благодати Аклонтов.

Не говоря более ни слова, Десма заняла свое место в центре зала, а Нойрос сел в обитое парчой кресло рядом с тремя молодыми господами и одной девушкой, которые, по-видимому, родились с ним в один день, и предстоящая гапария должна была также стать для них первой. Ему было неуютно здесь – одному, среди множества незнакомых лиц.

«Почему отец и мать не остались с нами?» Люди постепенно наполняли зал. Все были одеты богато: расписные халаты, изящные платья, широкополые шляпы со страусиными перьями. Нойрос знал, что здесь собрались только представители знати и богатейшего купечества – гапарии для простого люда проводились в другом храме.

Нойрос окинул взором собравшихся: люди пребывали в приподнятом настроении, улыбались, переговаривались между собой. Он увидел лицо сестры в толпе: ее прямые черные волосы небрежно спадали на пухловатое капризное лицо.

«Лицо подростка, — подумал Нойрос. — Интересно, будь я старшим ребенком, она относилась бы ко мне по-другому? Сомневаюсь... И почему отец медлит с ее замужеством? Ей двадцать четыре – давно уж пора. Избавиться бы от нее поскорее...»

Нойрос невольно отметил, как Десме идет черная кобра Сиппура на ее рубашке, хотя решил, что гадюка, все же, подошла бы лучше. Тут их взгляды встретились, и Нойрос поспешил отвернуться.

Он уже начинал волноваться, почему таинство никак не начинается, как вдруг по залу пробежал взволнованный шепоток:

«Провозвестник! Провозвестник идет! Гралин!»

Нойрос знал Йена Гралина: он был хорошим другом их семьи, часто пил с отцом кажаб – сиппурыйский змеиный ликер, – и задушевно беседовал с ним. То, что Гралин занимал значимый церковный сан, также не являлось секретом. Тем не менее Нойрос был удивлен, что именно этот рослый, седеющий, улыбчивый человек будет руководить его первой гапарией.

Провозвестника, шествующего через зал в богато украшенной бирюзовой мантии, сопровождали двое прислужников, одетых чуть менее скромно. Говор толпы постепенно стихал, все обращали сияющие, восторженные лица в сторону Гралина.

Провозвестник взошел на кафедру, расположенную прямо под куполом храма, приветственно вскинув руки. Толпа загудела, но Гралин жестом призвал к тишине, и собравшиеся тут же смолкли.

— Братья и сестры! — воззвал служитель Чаши зычным голосом, — Вы собрались здесь, дабы вкусить блаженные дары Бессмертных, Незримых и Невыразимых Духов! Святых Аклонтов, дарующих вечный покой и счастье! Я, Йен Гралин, милостью Преподобного Мастера провозвестник Церкви Аклонтов, открываю эту гапарию!

Мелкая дрожь пробежала по телу Нойроса: впервые за долгое время ему напомнили, что Йорак Бракмос не является истинной главой аклонтской церкви.

Никто не знал подлинного имени Мастера, о нем

6. Глава 5

Корхей-Гузум, Середина лета 729 года после падения Эйраконтиса

На пышной, многолюдной столичной пристани было много народу. Купцы, ремесленники, солдаты, вельможи – все пришли проститься с корхейским флотом, который, под предводительством принца Гарука Икмерсида отбывал сегодня в далекое плавание на север, чтобы покарать надменных карифян и геакронцев, отвергающих божественный свет Аклонтов.

У самого края причала стояла высокая девушка с темными длинными волосами и бледным, необычайно правильным овальным лицом. У нее были карие миндалевидные корхейские глаза, высокие скулы и изящный миниатюрный носик. На ней было шелковое розовое повседневное платье и накидка из красного бархата. Этой девушкой была принцесса Батейра Икмерсид, единственная дочь короля Гакмоло.

Батейра глядела вслед величественным кораблям с синим морским коньком на белых парусах со смешанным чувством грусти и облегчения. Она никогда не испытывала теплых чувств к своим братьям, однако старший, Гарук, был по ее мнению, наиболее достойным из всех троих. Второй по старшинству, Бьеджар, был распутен и жесток, младший, Хирам, – скрытен и двуличен; да и сама Батейра, с колыбели варившаяся в котле придворных страстей, стала к своим двадцати двум годам достаточно прожженной и циничной интриганкой.

Гарук же был не таков. Он был полностью сын своего отца, хладнокровный, жесткий, но не лишенный некоего природного стремления к справедливости и чувства долга. Теперь он уплывает на войну – и кто знает, суждено ли ему вернуться?

В любом случае, в делах корхейского двора теперь только усилится неразбериха и подковерная борьба – а ведь в стране и так уже долгое время обстановка достаточно напряженная: король Гакмоло тяжело болен, и оценить его шансы на выздоровление весьма сложно.

Довольно иронично было то, что Батейра стала единственной из королевской семьи, кто явился на проводы флотилии Гарука: Бьеджар находился в своем очередном опасном плавании у берегов Макхарии, Хирама никто не видел уже около двух недель (по слухам, младший принц находился в одной из провинций по какому-то тайному поручению), а отец был настолько слаб, что не могло идти и речи о том, чтобы он оставил свои покои.

Гордые корхейские фрегаты и галеи уже начинали скрываться в морском тумане, а Батейра все стояла, как замороженная, не в силах оторваться от своих нелегких дум. И тут она вздрогнула – кто-то внезапно коснулся ее плеча. Обернувшись, принцесса увидела Сельмию, тонкую изящную девушку в бирюзовом плаще с капюшоном, свою наставницу и в некотором роде подругу.

— Нам пора возвращаться, ваше высочество, — тихо, но настойчиво произнесла Сельмия, не поднимая глаз и чуть заметно наклонившись.

Батейра, ничего не ответив, последовала вслед за ней по причалу. Пройдя мимо длинной цепочки из королевских гвардейцев в позолоченных панцирях и синих плащах, принцесса вместе с Сельмией и двумя другими прислужницами села в закрытый паланкин, и сильные табгарийские невольники понесли ее домой – в королевский дворцовый комплекс Юрхинтау.

Корхей-Гузум напоминал настоящий пчелиный улей: казалось, постоянное движение повозок, людей, товаров не останавливалось здесь ни на минуту. Крики погонщиков, вопли кабачных выпивох, голоса уличных торговцев-зазывал, ржание лошадей, хохот мальчишек-оборванцев – все это словно бы сливалось в единый непрерывный гул, составляя неотделимую часть атмосферы большого

города.

Батейра не очень любила чернь, хотя в некоторой степени и сочувствовала проблемам простых людей. Скорее, она относилась к ним с какой-то привитой ей с рождения брезгливостью, и предпочитала без нужды не покидать пределы дворцового комплекса. Впрочем, сейчас она была еще полностью погружена в то мрачно-задумчивое состояние, в котором находилась у берега, и только лишь мысль о скорой встрече с Джакрисом немного согревала ей душу.

И вот процессия с паланкином въехала в ухоженный королевский квартал, где посреди благоухающего сада с финиковыми пальмами, замысловатыми каменными композициями и журчащими ручьями находился масштабный дворцовый комплекс Юрхинтау.

Они остановились у ворот главного королевского дворца, где располагались покои самого короля Корхеи и членов его семьи. Это было высокое здание правильной восьмиугольной формы из желтоватого камня с тончайшей резьбой на колоннах, капителях и ромбовидных оконных решетках. Многоскатную крышу небесного цвета венчал прямоугольный бело-синий флаг с морским коньком.

Батейра, отпустив стражу и носильщиков, отправилась вместе со своими прислужницами внутрь грациозного здания. Просторный и довольно плохо освещенный главный холл был устлан дорогими зелеными коврами с вышивкой, а стены украшали несколько картин с изображением древних морских сражений с участием корхейцев.

Здесь Батейра распрощалась со своей немногочисленной свитой, попросив Сельмию зайти к ней после ужина, после чего отправилась по широкой лестнице на второй этаж, где располагались ее покои. Однако здесь принцессу ждал неприятный сюрприз: у верхних ступеней, неуклюже переминаясь с ноги на ногу, находился смуглый молодой человек лет тридцати с курчавыми волосами, выкрашенными в каштановый цвет, и одетый в серый шелковый плащ. Это был Зулем Абкарманид, представитель древнего и могущественного корхейского рода, имевшего долгую и сложную историю отношений с Икмерсидами.

Его появление здесь вряд ли могло предвещать что-то хорошее, так как в последнее время Абкарманиды проявляли себя не слишком дружелюбно по отношению к королевской семье.

— Приветствую вас, ваше высочество, — с достоинством произнес Зулем, чуть наклонившись. — Надеюсь, вы простите мое внезапное появление — я бы очень желал украсть несколько минут вашего бесценного времени.

— Пройдете, — холодно бросила Батейра, жестом предлагая Зулему пройти в небольшой зал, предварявший вход в ее покои.

Здесь пришлось столкнуться с еще одной неприятностью: на широком диване с обивкой из зеленого бархата сидела немолодая полная женщина в мешковатом коричневом платье. Ее маленькие вечно бегающие глазки вызвали крайне неприятное ощущение, даже просто находиться в ее присутствии было уже довольно неуютно.

Безусловно, ее следовало ожидать здесь — робкий немногословный Зулем едва ли стал бы вести беседу без помощи своей влиятельной матери Фаниссы Абкарманид.

— Мое почтение, принцесса, — бросила Фанисса не слишком приветливым тоном, даже не потрудившись встать и поклониться.

Батейра же, напротив, отвесила неподобающий ее особе церемонный поклон, дабы также показать свое пренебрежение к правилам этикета, но в более ироничной форме.

— Чем могу быть полезной, госпожа Абкарманид? — сухо, но учтиво поинтересовалась Батейра, усаживаясь в креслице чуть поодаль от Фаниссы.

— Мой визит касается такой пренеприятнейшей особы, как Яшань Демцуэль – думаю, всем нам уже очевидно, насколько опасен он становится для всего нашего государства. Наша семья обеспокоена вопросом его поимки и преданию суду.

Яшань Демцуэль был поистине загадочной и неуловимой личностью. Выступая в корхейских провинциях, он призывал людей к отделению от сиппурийской Церкви Аклонтон, называя Бракмоса лженаставником и пытаясь излагать идеи независимого религиозного пути для Корхеи. При этом никому еще не удалось выследить его или же узнать место, где он живет – всякий раз после своих красноречивых выступлений он исчезал словно фантом, оставляя публику озадаченной.

— Не совсем понимаю, госпожа Абкарманид, что именно вы от меня хотите, — разочарованно пожала плечами Батейра. — И почему вам, собственно, пришло на ум обратиться с таким вопросом именно ко мне?

— Видите ли в чем дело, принцесса... — продолжала въедливая Фанисса, хитро сощуривая глазенки. — Боюсь, на данный момент вы – единственный представитель королевской семьи, с кем можно вести хоть сколько-нибудь вменяемый диалог. Ваш отец-король тяжело болен, а братьев попросту невозможно заставить в столице. Вот я и обращаюсь к вам...

— В сложившейся ситуации все вопросы государственной важности будет решать великий визирь Джакрис Спакирис, — холодно отчеканила Батейра. — Поговорите с ним и, быть может...

— Мне известно, какое положение занимает Спакирис, — бесцеремонно перебила Фанисса, расплываясь в ехидной ухмылке. — А еще мне известно, что именно вы способны в некотором роде повлиять на его решение.

Конечно, все при дворе давно знали о связи принцессы с великим визирем Спакирисом, но вот так в открытую намекать на подобное могла, пожалуй, только такая змея как Фанисса Абкарманид.

Впрочем, Батейра не подала и виду, что оскорблена, а ее собеседница продолжила:

— Не будьте же равнодушны к бедам нашего государства, принцесса. Демцуэль сеет смуту на нашем достославном острове, и, вполне вероятно, в ваших силах его остановить.

— Что ж, обещаю, что сообщу о вашей просьбе великому визирю, госпожа Абкарманид, — Батейра поднялась на ноги, показывая, что их разговор подходит к концу. — Однако вы должны понимать, что он полностью в своей воле, а я – лишь скромная дочь своего отца (да пошлют ему Аклонтон выздоровление)!

Фанисса тоже встала, и, сделав несколько шагов к выходу, развернулась в сторону Батейры, и, гневно сверкая глазами, проговорила с усилием:

— Вам не удастся отсидеться в стороне, принцесса, так и знайте! Если Яшань Демцуэль начнет представлять настоящую опасность (а он, судя по всему, очень близок к этому), то вам придется сделать выбор. И надеюсь, вы будете на нашей стороне!

— На чьей это «нашей»? — крикнула ей вслед Батейра, однако Фанисса гордо зашагала прочь, и не подумав обернуться.

Зулем, отменно игравший роль безмолвного стража на протяжении всего их разговора, хотел было открыть рот для каких-то извинений, но, поймав уничижительный взгляд принцессы, лишь с жаром поклонился и развел руками с выражением мольбы на лице, после чего пустился вдогонку за матерью.

Переведя дух, Батейра сняла с шеи ключ от своих покоев и, отперев массивную дверь, прошла внутрь.

«Теперь Абкарманиды будут ходить за мной по пятам... — размышляла она с тревогой. — Если Бьеджар с Хирамом не возьмут ситуацию в

свои руки, фактическая власть в стране рано или поздно может перейти к этому воинственному семейству. Одной мне не устоять... Джакрис... на него вся надежда!»

Слегка утомленная всем происходящим, Батейра решила прилечь на свою широкую кровать и вскоре задремала. Оставаясь наедине она часто вспоминала о матери... Сайара Икмерсид умерла десять лет назад во время эпидемии чумы в Корхее. Это была самоотверженная женщина с большим сердцем, которая тратила большие деньги на помощь нищим и бездомным. В одном из приютов для несчастных Сайара и заразилась...

«Ты могла еще столькому научить меня, мать, — часто думала Батейра с тяжким сердцем. — Быть может, твоими стараниями я могла бы стать другой... более правильной».

И как только принцессе пришла в голову мысль пойти слегка развеяться и прогуляться в королевском саду, тут же дверь ее спальни медленно отворилась и на пороге появился человек, которого она ждала больше всего.

Рослый, широкоплечий, облаченный в светло-зеленый расшитый золотом камзол и светлые брюки, Джакрис Спакирис имел на своем небритом мужественном лице выражение воодушевления и азарта. Его черные длинные волосы были стянуты в большой пучок на затылке.

— А вот и я, — промолвил великий визирь своим низким голосом. — И, кажется, ничуть не задержался!

— Джакрис! — вскрикнула Батейра, вне себя от радости кидаясь на шею к своему возлюбленному.

Даже после короткой разлуки поцелуй всегда был особенно сладким и страстным. Принцесса ощутила тепло его могучего тела и приятная дрожь охватила ее. Джакрис, подхватив Батейру, закружил ее и, весело усмехнувшись, перенес на кровать.

Она оказалась прямо под ним — такая тонкая, хрупкая, беззащитная... Ей порой казалось, что именно этот момент — самый волнительный из всех. Джакрис осыпал поцелуями ее губы, лицо, плечи.

— Моя королева... — прошептал он, начиная страстно прикасаться к ее бедрам, задирая подол платья.

— О-о... — закатила глаза Батейра, желая еще больше раззадорить любовника своей насмешкой, — я же всего лишь принцесса...

Чуть приподнявшись, Джакрис начал было расстегивать пуговицы на своем камзоле, как вдруг раздался резкий и требовательный стук в дверь.

Затем дверь приоткрылась, и из-за нее показалась обритая голова человека с суровым лицом и глубоко посаженными глазами. Батейра узнала его: это был Нангайлу, искуснейший шпион Джакриса и появление его здесь в такой момент было явно недобрым знаком.

— Господин, прошу вас подойти, — отчетливо и без тени смущения проговорил агент. — На минуту, это срочно.

— Глупец, ты в своем ли уме? — вспыхнул Джакрис. — Убирайся вон!

— Это срочно, мой господин, — тут же повторил Нангайлу. Ничто не дрогнуло в его каменном лице. — Дело безотлагательное.

Дверь захлопнулась снаружи; Джакрис стиснул зубы, издав стон отчаяния.

— Если это какой-то пустяк, я прикончу этого кретина! — сердито бросил великий визирь, поспешно поднимаясь с кровати и покидая покои принцессы.

Батейра замерла в ожидании. Нангайлу едва ли дерзнул бы вот так бесцеремонно врваться в ее покои, если бы дело не касалось какой-то

экстренной ситуации. Та минута, которую отсутствовал Джакрис, показалась Батейре бесконечно долгой: за нее она успела мучительно перебрать в своей голове огромное множество версий того, что могло произойти.

Наконец, Джакрис медленно вошел обратно в спальню и его бледное, полное смятения лицо только усилило испуг Батейры.

— Что же случилось, любимый? — спросила она дрожащим голосом. — Ну что же!? Ответь мне, не молчи!

Джакрис заломил руки за шею и, тяжело вздохнув, проговорил как-то отрешенно:

— Твой брат мертв, Батейра.

Принцесса точно онемела, однако в ее глазах он, видимо, сумел прочесть вопрос: «Который!?»

— Бьеджар... — проговорил Джакрис, опуская взор. — Бьеджар Икмерсид убит во время своего пиратского набега на Шакмайфо. Корабль с его телом только что прибыл в Корхей-Гузум.

Некоторое время оба, и принцесса, и великий визирь, погрузились в молчание, обдумывали шокирующее известие. Наконец, Джакрис несмело произнес:

— Скажи, а вы... вы с ним ведь не сильно ладили, верно?

— Он был безразличен мне, — ответила Батейра. — Туповатый, грубый — с ним вообще мало кто мог найти общий язык.

— Знаешь, у меня, похоже, начинает созревать план, — сказал, поворачиваясь к окну Джакрис, внезапно как бы воодушевляясь, но все еще выглядя испуганно. — Но я должен знать, что ты со мной... И что не отступишь, и пойдешь до конца.

— Ну-у... расскажи же мне, в чем суть твоего необыкновенного плана, — с некоторой растерянностью попросила Батейра.

Великий визирь резко повернулся к своей возлюбленной, глядя с какой-то одержимостью, и быстро, но отчетливо проговорил:

— Ты можешь стать королевой Корхеи.

Несколько мгновений Батейра была не в силах проронить ни звука, но потом, не понимая потрясая головой, пробормотала:

— Но... но как? Я... я ничего не...

— Власть в Корхее передается старшему ребенку вне зависимости от пола, — напомнил Джакрис. — Гарук теперь далеко... а Бьеджара больше нет. Следующая в очереди наследования — ты, любовь моя.

— Но Гарук, любимый! Гарук старший и он жив. И он непременно вернется с войны и займет трон.

— Если вернется, — вкрадчивым тоном поправил Джакрис. — В любом случае власть к тому моменту будет уже в наших руках! А значит, правдой будут являться именно наши слова. Мы найдем тысячу способов как дискредитировать Гарука: обвиним его в сговоре с врагом или... или заявим, что именно он подослал убийцу для Бьеджара!

— И более того, — Батейра нахмурилась, — ты говоришь обо всем этом так, словно мой отец уже мертв или... скоро умрет.

— Я... нет, ты не то подумала... — Джакрис заметно смутился. — Я всегда был верным другом короля Гакмоло, но... родная, будем смотреть на вещи трезво: твой отец очень плох... Ты сама видела, в каком он положении.

От путаницы мыслей у Батейры кружилась голова. Она с усилием выдохнула.

— Но ты же понимаешь, что все это означает серьезную борьбу. Нам нужны будут сторонники...

— Разумеется, — с жаром кивнул Джакрис, начиная быстро прохаживаться по комнате — так он успокаивал нервы и настраивал мысли на нужный лад. — Будут и те, кто попытается помешать нам. Угрозу представляет Джептар Абкарманид — теперь в его распоряжении вся сухопутная армия Корхеи.

— Ко мне сегодня уже заявлялась его женушка...
— Как!? — воскликнул Джакрис, замерев на месте, как вкопанный. — Что ей было нужно?

— Хотела, чтобы я уговорила тебя разобраться с Яшанем Демцуэлем.

— Яшань Демцуэль, Яшань Демцуэль, — затараторил великий визирь, вновь начав метаться по комнате, — вот так непредсказуемый герой! Сколько бессонных ночей я провел благодаря его персоне! Но скажу тебе честно, милая, — сейчас я склоняюсь к тому, что это именно тот человек, к союзу с которым мы должны стремиться.

— В самом деле? — недоуменно вскинула брови Батейра.

— Да! Демцуэль обрел в провинциях небывалую силу. Люди верят ему; его проповеди собирают толпы. Говорят, будто он посланник самих Аклонтов... Армия его сторонников растет с каждым днем, причем его идеи захватывают даже аристократию. Очень скоро эта волна может докатиться и до Корхей-Гузума и тогда... кто знает, устоит ли наш двор? После многих часов размышлений я пришел к выводу, что лучше объединиться с Демцуэлем, и стать сторонниками его учения.

— Но тогда... мы положим начало вражде с сиппурийцами! Ведь мы заявим о желании создания собственной, независимой Церкви, не так ли?

— Это верно... — Джакрис покраснелся и дышал часто. — Нам предстоит нелегкая борьба, не стану спорить. Однако Сиппур сейчас будет вовлечен в войну на севере, и вряд ли у Бракмоса найдутся средства, чтобы навредить нашему государству. Основные усилия нам нужно будет сосредоточить на внутренней борьбе.

— Я... я очень хочу стать королевой! — воскликнула наконец Батейра, окрыленная боевым настроем своего любимого. — Но прежде чем ты начнешь реализовывать свой план, я бы очень хотела поговорить с братом Хирамом... Я не знаю, что у него на уме и чью сторону теперь он примет. Это следует выяснить.

— Хирам сейчас очень занят, любовь моя, — мягко ответил Джакрис. — Он выполняет довольно важное государственное задание... Поверь, свою роль он тоже сыграет. Но сейчас мне хотелось бы, чтобы ты начала помогать мне в поиске союзников. В открытую поддержать Демцуэля мы пока не можем, однако готовить почву для грядущих изменений уже пора. Я хочу, чтобы ты начала со своих родственников, Калханидов. Осторожно поговори с ними — убедись, что нет свидетелей. Изложи наш план, и объясни серьезность ситуации. Так, постепенно, мы создадим альянс против Абкарманидов и реализуем задуманное.

— Джакрис, ты такой отважный! — Батейра вдруг бросилась к своему любимому и крепко обняла, целуя его шею. — Ты... ты невероятный... Только ты мог решиться на такое! Конечно, я с тобой! Калханиды будут с нами... и не только они.

— Мы непременно добьемся своего, — негромко произнес Джакрис с улыбкой, хватая принцессу за талию и прижимая к себе. — Все покорятся нам... моя королева.

7. Глава 6

Прант. Середина лета 729 года после падения Эйраконтиса

В этот день Ниллон усилием воли заставил себя встать пораньше: он никак не мог позволить себе опоздать на лекцию профессора Хидена, посвященную проблеме диктатуры (в частности, диктатуры в Геакроне). Его новая знакомая, карифянка Гелла также должна была присутствовать там.

Однако с утра у Ниллона все валялось из рук: ночью он снова зачитался допоздна, и теперь мучился своей обычной тягостной сонливостью.

«Казалось бы – какой пустяк! — думал он, — Но чертовски неприятно. Профессор Хиден, пожалуй, смог бы объяснить и этот феномен, но, не думаю, что стоит заводить с ним подобный разговор».

Позавтракав, как обычно, фруктами (более тяжелая пища с утра не лезла ему в горло) и наскоро собравшись, Ниллон поспешил к Центральной площади Пранта, чтобы оттуда свернуть на Большую Ясеновую, где, в здании бывшего университета читал свои лекции профессор Райджес Хиден.

Ранее Ниллон уже много раз ходил этим маршрутом, однако, в этот раз, вместо того, чтобы пройти по дугообразной Дубильной улице, он решил пройти напрямик через жилые кварталы. Этот путь был короче – более того, Ниллон прекрасно знал эти места, так как вырос здесь, но все же идти дворами и проулками было куда как неудобнее. Тем не менее, решив, что в запасе у него прилично времени, Ниллон решил внести в прогулку до университета немного разнообразия и пройти через кварталы.

Заглядевшись на красивый бежевый дом с просторной ухоженной верандой, он невольно остановился, задумавшись о том, что он когда-то уже был в этом месте... Лишь несколько мгновений спустя его осенило, что это дом его старого друга Эда, в котором Ниллон не был уже довольно давно. Нилл озадаченно помотал головой, удивляясь собственной растерянности. Через пару мгновений послышался плеск воды – за кустом стоял мужчина с лейкой, который неторопливо ухаживал за садиком. Ниллон узнал его: это был отец Эда, Гэнли Смуссфилд, полноватый долговязый мужчина с очень жидкими волосами, крупным крючковатым носом и неприятными толстыми губами. На нем была клетчатая рубашка, потертые домашние брюки и старое кепи с блестящим козырьком.

— А, Нил, проходи, не стесняйся! — Гэнли Смуссфилд приветливо махнул рукой, и Ниллон не решился ответить отказом, сочтя возможным все же уделить несколько минут этому человеку, несмотря на то, что тот довольно плохо относился к профессору Хидену и отцу Ниллона. В свое время Смуссфилд-старший чуть было не стал угрозой дружбы Ниллона и Эда, так как был человеком консервативным и не разделял увлечение молодых людей опасными байками старого Хидена.

— Давненько не виделись, мистер Смуссфилд! — поприветствовал хозяина Нил, отворяя решетчатую калитку, чьи завитушки и лепестки не пощадила ржавчина.

— Здравствуй, здравствуй! — отец Эда весьма радушно улыбнулся, будто между ними никогда и не было никаких разногласий. — Рад тебя видеть, сынок!

— А что, Эд уже... ушел?

Услышав это, Гэнли Смуссфилд сразу помрачнел, так как, по-видимому, вспомнил, куда сейчас направился его сын, однако постарался

сохранить доброжелательный тон:

— Послушай-ка, Нил... У меня к тебе один разговор; я очень надеюсь, что ты поймешь меня правильно. Мы не всегда ладили, да... Но твой отец... В общем, он не прав. Прошу тебя, отговори его от этой идеи.

— Вы о чем?

— Я думаю, ты понимаешь, о чем я, — в голосе господина Смуссфилда уже появлялось раздражение. — Твой отец метит в прантский Совет, и там он уж конечно начнет всячески агитировать людей против аклонтизма, а если учесть, что Кариф может скоро принять эту веру, то это грозит нам большими неприятностями.

— Боюсь, все равно не понимаю, сэр, чего вы от меня хотите, — пожал плечами Ниллон. — Я не лезу в дела своего отца, да и, признаться, в некоторых вопросах я...

— Да не глупи же, сынок! — воскликнул Смуссфилд. — Как до тебя не дойдет, что в конечном итоге карифьянам будут противостоять многотысячные армии, и они все равно примут этот треклятый аклонтизм! А когда к нам заявятся их проповедники со своей гвардией, они просто перебьют недовольных — и кто от этого выиграет!? Ты единственный, кто может убедить своего отца не высовывать нос и отказаться от идеи обратиться в этот чертов Совет...

— Знаете, сэр, мне кажется, наши взгляды по этому вопросу слишком сильно разнятся, — холодно заметил Ниллон. — Мы с вами просто не пойдем друг друга.

— Ах же, черт тебя дери! — в сердцах вскричал Гэнли Смуссфилд, с досады хлопнув ладонью по колену. — Тебе ведь жить в этом городе! Одумайся!

— Видите ли, сэр, если вы привыкли всегда и во всем сдаваться без боя, то мы с отцом — люди иного порядка и будем отстаивать свои взгляды до конца! — свысока бросил Ниллон, неспешно направляясь к выходу.

Тут Смуссфилд окончательно потерял контроль над эмоциями.

— Ну и убирайся, пижон! — рявкнул он, багровея. — Потом будешь рыдать — и попомнишь мои слова! Проваливай!

Ниллон поспешил оставить своего разгневанного собеседника одного, который еще продолжал бубнить ему вслед какие-то бессвязные ругательства.

«Вот ведь надо ж было так... Мило поболтали, ничего не скажешь!»

Пропетляв через паутину узких переулочков, Ниллон поспешил через площадь к Большой Ясеновой улице. Сердце у него подскочило, когда он увидел на башенных часах без десяти минут двенадцать.

«Прибавлю шаг! Хотя теперь уже наверняка опоздаю... Вот черт! И что меня дернуло задержаться у этого дома?»

Перейдя площадь, Ниллон свернул на Большую Ясеновую. Нелепый разговор с отцом его доброго друга не выходил у него из головы. Ускоряя шаг, он приближался к зданию прантского университета, который не работал уже около ста лет. Власти Пранта дали добро на проведение профессором Хиденом лекций-конференций в стенах этого полуразрушенного здания, хотя многие горожане высказывались за запрет лекций и изгнание профессора из города, дабы не смущать умы детей вредным вольнодумством. Для Ниллона же общение с профессором Хиденом было как глоток свежего воздуха: на его лекциях он не только черпал множество знаний в области истории, политологии, психологии, а также всегда мог поучаствовать в объективной и подробной оценке многих явлений.

Уже почти перейдя на бег, Ниллон взлетел по

обветшалым ступенькам, мимо некогда величественных колонн, ко входу в университет. Пройдя лабиринтом мрачных коридоров, он, наконец, очутился у входа в просторный лекционный зал. Дверь отсутствовала, поэтому входящему сразу открывался простор ступенчатых рядов, напротив которых располагалась широкая кафедра.

Полдень был неслучайно выбран для проведения лекций, так как именно в это время солнечные лучи, падая сквозь широкие оконные проемы, ярко освещали весь зал. За кафедрой стоял профессор Хиден: высокий седой человек в темно-синем сюртуке, с большой плешью на голове и пепельным оттенком кожи. О нем нельзя было сказать «старик», хотя Райджесу Хидену было определено за восемьдесят. Осанистый, подвижный, он всегда источал поразительную даже для молодых людей энергетику.

В зале в тот момент присутствовало человек пятнадцать прантской молодежи. Все они, а также и профессор, повернули головы в сторону Ниллона, когда тот появился на пороге.

— Вы опоздали, молодой человек, — с укоризной произнес профессор Хиден, смерив Ниллона осуждающим взором своих холодных серых глаз, — лекция уже началась. Впрочем, проходите — в последнее время вы и так нечастый гость.

Профессор Хиден и Ниллон нередко имели частные беседы друг с другом за пределами университетских стен, однако на людях профессор предпочитал не выказывать ему никакого особого расположения, демонстрируя свою обычную беспристрастную холодность.

Раскрасневшись, Ниллон начал пробираться на свое место. Он предпочел сесть не слишком далеко от кафедры (чтобы не подумали, что он прячется), но и не слишком близко (чтобы не быть на у всех виду). Только теперь, слегка оправившись от смущения, он заметил, что один из слушателей в зале стоит на ногах (видимо, появление Ниллона прервало его выступление).

Это была девушка — что само по себе было редкостью на лекциях профессора Хидена. Не без удивления Ниллон узнал в ней свою недавнюю знакомку, карибянку Геллу Брастолл.

— Итак, мы говорили о понятии диктатуры, — заговорил профессор Хиден своим привычным размеренным тоном. — Премногоуважаемая Гелла из Дакнисса считает, что диктатор — это правитель, не считающийся с чаяниями собственного народа, готовый при этом на любое кровопролитие и жестокость во имя государственных нужд. Хорошо, — Хиден обвел аудиторию глазами, — может ли кто-либо из присутствующих дать иное определение диктатуры?

С полминуты все молчали, после чего на ноги поднялся тощий юноша с курчавыми волосами, рассеянным взглядом и бледным невыразительным лицом. Это был Эд Смуссфилд — друг детства Ниллона, начитанный, рассудительный, и крайне вяло обнаруживающий свои эмоции практически в любой ситуации. Эд в последнее время заходил на лекции профессора Хидена еще реже, чем Ниллон, поэтому тот был очень удивлен, увидев его здесь.

— Эд Смуссфилд, Прант. В общем, я согласен с определением Геллы, — произнес он своим сухим, лишенным всякого эмоционального оттенка голосом. — Однако я бы добавил, что «диктатура» — понятие скорее геополитического масштаба. На мой взгляд, оно носит оценочный характер.

— Не могли бы вы пояснить, что вы имеете в виду? — попросил профессор Хиден.

— Да, конечно. Например, Альхаро VIII — законный король Макхари. Династия Монтейрисов держится на троне уже более четырехсот лет, и легитимность его власти не вызывает ни у кого сомнений. Йорак Бракмос — лорд-протектор Сиппура, он правит страной от имени короля Кайлеса Дальсири и пользуется всей полнотой власти без оглядки на другие страны. Но Тиам Дзар в своем

Геакроне — это зажатый в угол мышонок, который грозит всему миру своим железным кулачком, изображая воина-титана. И только благоразумие и нежелание проливать кровь невинных удерживают правителей могучих держав от того, чтобы раздавить Геакрон. С их точки зрения, Дзар всего лишь узурпирует власть, как узурпировал его отец. Следовательно, он — не более чем выскочка-диктатор.

— Что ж, вы копнули несколько глубже по сравнению с выступавшей до вас, — сказал профессор Хиден. — Но тем не менее, молодой человек, — простите мне мою стариковскую резкость, — вы слишком формально подходите к обсуждаемому вопросу. Вы начинаете рассуждать о геополитике... Но геополитика — кровавая настольная игра, в которую играют люди без сердца и малейшего понятия о морали. Между тем наша цель — вникнуть в истинную суть вопроса. Чем же Тиам Дзар отличается от правителей других государств? Почему его называют диктатором, и что, собственно, кроется за этим словом?

«Ох, не то вы все обсуждаете, — думал про себя Ниллон, — Настоящая опасность исходит от аклонтистского альянса, а не от Геакрона».

После минутной паузы профессор продолжил: — Полагаю, никто более не желает высказаться. Что ж, тогда я изложу свой анализ этой проблемы. Как сказала Гелла, диктатор кровожаден и жесток, но ведь это в той или иной степени можно сказать и о любом другом правителе. Эд, в свою очередь, поставил во главу угла легитимность правителя в глазах правителей других государств. Вы оба были отчасти правы в своих суждениях, но ни один из вас не увидел сути рассматриваемого явления. Впрочем, — лицо профессора Хидена посетила ехидная усмешка, — Это не удивительно, ведь понятие диктатуры само по себе — фикция. Какая нам разница, на каких основаниях человек пребывает у власти? Это никоим образом не влияет на фактически осуществляемые им функции. Любой политик по определению убийца, и не важно, как он именуется: королем, лордом-протектором или же попросту диктатором.

— Простите, сэр, — взволнованно произнесла Гелла, — но не слишком ли вы категоричны в своих суждениях?

— Ничуть.

— А я все же готова с вами поспорить. Мой отец, Гранис Брастолл — член карифского Правящего Совета. Он уважаемый человек, народ любит его, и едва ли кто-то усомнится в его порядочности.

— У вас в Карифе — может быть.

— Вы даже не знаете моего отца! — почти вскрикнула Гелла. — Но, тем не менее, считаете, что он убийца. Да? Если так, то скажите мне это прямо в лицо!

Другой бы мог смутиться от подобной постановки вопроса, но только не Райджес Хиден — Ниллон знал это наверняка.

— Ваш отец — убийца, — произнес профессор со всей возможной невозмутимостью.

— Ч-ч-ч-ч-то? — прошипела Гелла. — Да как вы смеее...

— Смею, да еще как. Возможно, вы, карифяне, не любите вспоминать 719 год и зачистки северных районов Кампуйиса. Но я убежден, что именно ваш отец был одним из тех, кто отдал приказ на проведение этой операции. Впрочем, не думаю, что он делился с вами подробностями этого дела за чашкой вечернего чая.

— Тогда были уничтожены опасные группировки кампуйцев... — произнесла Гелла надтреснувшим голосом, — К-которые совершали набеги на южные провинции...

— Вне всякого сомнения! А вместе с ними —

заведения и без лишних церемоний потребовал, что хочет видеть хозяина.

Найдя пухлую, пожилую, заспанного вида хозяйку, Ниллон за определенную сумму выведаль у нее, что русоволосая, небедно одетая, с карифским выговором девушка лет двадцати покинула заведение, может быть, чуть более часа назад...

Ниллон брел по прантским улицам совершенно разбитый и понурый. Не зная, чем себя занять, и как заглушить свою грусть, он прослонялся по городу до темноты. Он думал было зайти к отцу, чтобы излить душу, но что-то удержало его от этого. Ниллон пытался начать размышлять об аклонтистской угрозе и о том, какую ужасную, подлую, пораженческую позицию занимают люди наподобие Гэнли Смуссфилда. Но эти мысли вводили его в еще более мрачное состояние, и он не стал сосредотачиваться на них.

Не зная, что бы еще предпринять под конец дня, Ниллон решился посетить прантский маяк, по которому он любил бродить еще ребенком. Старый смотритель Малио Ксинкс был другом семьи Сиктисов, и всегда хорошо ладил с Ниллоном. Старик был рад его видеть, и без вопросов пропустил на маяк.

В этом огромном, мрачном сооружении Ниллон провел немало радостных минут своего детства, играя в догонки со своими друзьями Бафнилом и Эдом. Родители же часто возмущались, говоря, что на маяке опасно: неосторожное поведение на такой высоте грозит падением. Но Малио Ксинкс всегда вступался за ребят, заверяя, что они под его надежным надзором.

Ниллон поднялся в световую комнату на вершине маяка. В чугунной жаровне горели дрова — свет отражался от зеркал, прикрепленных к потолку. Ниллон оперся ногой на подоконник, обозревая в такой позе простор Пряного моря внизу. Вдалеке виднелись огни маяков Лиита — островного края по ту сторону воды. Волны тихо плескались внизу... Одинокие чайки время от времени пролетали, покрикивая в вечерней тиши. Замечтавшись, Ниллон неожиданно вздрогнул, так как ему послышались внизу чьи-то шаги. Старик Малио навряд ли бы стал сейчас сюда подниматься, поэтому молодого человека охватила некоторая тревога.

— Кто здесь? — решился позвать Ниллон, приближаясь к краю мрачной винтовой лестницы.

— Это я, Ниллон, не бойся, — ответил голос Райджеса Хидена.

От сердца отлегло. Но нельзя сказать, что профессор был сейчас желанным гостем.

— Как вы узнали, что я здесь? — устало бросил Ниллон, когда пожилой мужчина поднялся наверх.

— Интуиция, — с долей лукавства ответил Хиден. — Почему-то я был уверен, что найду тебя именно здесь.

— А что вам, собственно, нужно?

— Знаешь, я хотел извиниться... за сегодняшнее свое поведение. Не хочу, чтобы ты счел меня тем, кто считает сословные различия большой преградой для отношений между людьми. Просто... ты же знаешь, на своих лекциях я часто даю волю эмоциям, и начинаю рассуждать о многих вещах без прикрас. За это молодежь и любит мои лекции! А та девчонка... Скажу по опыту: мне кажется, что она еще вернется.

— Не берите в голову, сэр. Мы виделись с ней всего раз, я не сильно переживаю, — эти слова Ниллон постарался произнести так, чтобы самому как можно сильнее поверить в них.

Какое-то время оба молчали. Волны шумели снаружи, и в вечернем воздухе витал дух морской авантюры.

— Ты, должно быть, уже слышал об угрозе с юге?

— Надеюсь, ты все взвесил, — спокойно, и, как всегда, немного таинственно произнес Пфарий Традонт, после чего, положив руку сыну на плечо, добавил, слегка понизив голос: — Я не одобряю твой выбор, но... все же ты его сделал. Береги себя. Среди них есть опасные люди.

Нойрос проследовал через центр города на юго-восток, мимо площади Хаббархат: здесь располагался огромный шумный базар, кишущий торгашами, карманниками и разного иного рода прохиндеями. Нойрос предпочел обойти это недоброе место стороной. Пройдя мимо гигантских площадных солнечных часов, он увидел, что тень от высоченной каменной стрелки указывает на отметку в пять утра — еще час у него был в запасе.

Далее Нойрос продолжил свой путь через массивы домов, где жили люди среднего сословия: купцы, ремесленники, жрецы и провозвестники из небогатых храмов. По сравнению с бедными кварталами здесь было достаточно безопасно, хотя Нойрос все равно был постоянно настороже.

Здание штаба Ревнителей Покоя Чаши имело всего один этаж и выглядело, в целом, достаточно скромно. Над дверью главного входа висел бронзовый щит с выгравированным на нем изображением Чаши Аклонтон. Часовой был всего один, и тот находился внутри здания, причем сидя. Нойрос назвал свое имя, сообщил о цели своего визита, после чего стражник как будто оживился, открыл глаза пошире, и энергичным жестом велел Нойросу проследовать в зал собрания ордена, где его уже ожидали наиболее уважаемые члены.

«Все же надо было выпить... Нет... Ну или, по крайней мере, махнуть бокальчик вина для храбрости!»

Нойроса охватило волнение, — посильнее, чем в день сдачи последнего испытания в гимназии, — он беззвучно попросил Аклонтон об удаче и распахнул тяжелую кованую дверь.

Внутри вокруг прямоугольного деревянного стола его стояло около восьми человек в темно-зеленых плащах и дублетах с вышитой на них Чашей. Большинство было в легкой кольчуге, кое-кто в вареной коже.

Нойроса сразу бросило в пот, когда он встретился взглядом с одним лопухим коротко стриженным человеком средних лет, с резкими и отталкивающими чертами лица, который страдал, помимо всего прочего, косоглазием. Нойрос уже тогда понял, что взгляд этих жутких косых глаз он забудет нескоро, а человек этот, может, и будет считаться его братом по оружию, но другом точно не станет.

Среди прочих также выделялся огромный мускулистый макхариец, с перевязанными в хвост длинными волосами, смуглый, и весь в шрамах. Он как-то по-особенному посмотрел на Нойроса, когда тот вошел — то ли с любопытством, то ли со скрытой злобой.

Здесь также присутствовал Морас Дайял — он держал за руку какую-то девушку, которая на первый взгляд показалась Нойросу ничем не приметной. Когда же он всмотрелся в ее лицо, неприятный холодок пробежал по всему его телу. Сальные темные волосы до плеч обрамляли бледное, почти как у покойника, лицо. Холодные черные глаза не выражали ничего человеческого, а короткий вздернутый нос придавал ее облику что-то и вовсе звериное.

— А-а-а, вот и наш знатный красавчик, — злобно проскрежетал лопухий, не сводя леденящий взгляд косых глаз с Нойроса.

— Тебе не давали слова, Кайрен, — властно заметила бледнокожая девушка.

— Приветствуем, достопочтенный Нойрос, в нашем тесном братском кругу! — незамедлительно перехватил слово Дайял, говоря тем же приторно-басовитым голоском, что и в день гапарии Нойроса. — Позволь представить: Алекто Карающая — наша несравненная предводительница, которая, несмотря на хрупкий вид, твердой рукой правит нашим орденом. С остальными братьями познакомишься

позже... если, конечно, будет вынесено решение о принятии тебя в орден.

— Нойрос Традонт, сын Пфария Традонта, — начала Алекто бесстрастным тоном, — мне, как главе ордена Ревнителеев Покоя Чаши, угодно знать, какие причины подвигли тебя на то, чтобы присоединиться к нам.

— Причина только одна, ваше преподобие, — служить Сиппуру, Святым Акклонтам и лорду Бракмосу. Моя душа не желает ничего иного.

Кто-то из присутствующих презрительно хмыкнул.

— Нам известно, Нойрос, — продолжала глава Ревнителеев, — что ты принадлежишь к знатному и богатому роду. Ты мог бы выбрать себе занятие сообразно твоему положению, но ты предпочел нелегкий путь службы в Ревнителеях. Полностью ли ты обдумал свое решение?

— Истинно так. Я убежден, что мне нет места ни при дворе лорда Бракмоса, ни на стезе церковной службы. К военной службе предрасположенности я также никогда не имел. Стоять на страже веры Акклонтов — вот чего жаждет мое сердце.

— Что ж, члены совета ордена посовещаются и примут свое решение...

— Я хочу сделать заявление прямо сейчас! — подал голос косоглазый Кайрен.

— Добрый друг, не лучше ли... — начал было Дайял.

— Пусть говорит, — вмешалась Алекто.

— Раз он хочет быть одним из нас, — зловеще произнес Кайрен, — пускай покажет, на что годен. Я хочу испытать его — посмотрим, умеет ли холеный господский сынок обращаться с оружием!

После этих слов Нойрос почувствовал, как что-то обожгло его изнутри — что-то наподобие страха, хотя тогда он не мог себе в этом признаться.

Дальнейшее происходило с Нойросом, будто во сне. Они вышли во внутренний двор и каждому вручили по затупленной сабле. По настоянию Мораса Дайяла они также облачились в тренировочные доспехи, хотя Кайрен и возражал против этой меры.

Поединок начался, и оппонент Нойроса, буравя его своим кровожадным косым взглядом, не спеша стал подбираться к нему. Сложно сказать, что испытывал Нойрос в тот момент: наверное, это было желание устоять морально, не выказывать страха перед более уверенным в себе противником.

Бой начался довольно прискорбно для Нойроса: поначалу ему неплохо удавалось сдерживать выпады косоглазого Ревнителя, но вскоре удары стали сыпаться на него и с одного и с другого бока — не вскрикивать от боли становилось все труднее. И тут Нойроса охватила истинная злоба — невероятно сильная — пожалуй, он не испытывал ранее в своей жизни ничего подобного. Внутри него вмиг укоренилось твердое убеждение, что быть побитым этим мерзким, наглым, лопухим ничтожеством будет для него величайшим позором. Поэтому он собрал все силы, какие мог, и продолжил борьбу с новой, яростной силой.

Однако Кайрен не унимался: его выпады становились все чаще и стремительнее.

«Он вкладывает много сил. Следует уйти в оборону... и вскоре он истощится».

Теперь Нойрос решил сконцентрироваться на позиционировании тела, на движениях своих ног. Поскольку его противник не слишком осторожничал и зачастую просто шел напролом, Нойрос начал подлавливать его, уворачиваясь в сторону и нанося ответные удары в бок.

Кайрен, казалось, только сильнее свирепел от этого, но сменить тактику не желал, продолжая бесхитростно рассекать саблей воздух. Это было только на руку Нойросу, которому оставалось лишь ждать, когда противник окончательно обессилит. Через несколько минут Кайрен действительно заметно запыхался и стал терять координацию. Улучив удачный момент, Нойрос нанес ему болезненный удар ногой в голень, и косоглазый Ревнитель, вскрикнув от боли, повалился наземь.

Тут Нойрос не смог сдержать подобие победного рыка и мигом обрушил град сокрушительных ударов на несчастного оппонента. Он бил самозабвенно, неистово, вкладывая всю свою беспредельную злобу, вскипевшую в тот миг в его ожесточенном сердце.

Люди что-то кричали вокруг, но Нойрос остановился только тогда, когда двое крепких мужчин оттащили его прочь.

Уставший, но довольный, Нойрос прислонился к стене, жадно глотая воздух и вытирая пот со лба. Мрачное торжество наполняло его. Хладный камень — превосходный минерал, который встречается в некоторых районах южного Сиппура и используется, как правило, для обеспечения сохранности съестных припасов, был очень кстати приложен к ушибам на теле Нойроса. Оппонента Нойроса тем временем оттащили куда-то в другое место — ему теперь наверняка требовалась куда более серьезная помощь.

Какое бы решение теперь ни приняли Ревнители, вкус победы был особенно сладок для Нойроса — он ненавидел, когда самоуверенные простолюдины пытались поставить его на место, а этот Кайрен позволил себе слишком много.

Между тем ожидание затягивалось... И хотя Нойрос вышел из испытания победителем, теперь, слегка поостыв, он задумался, не будет ли его чрезмерное усердие оценено отрицательно? Все-таки он сильно побил человека, которого видел в первый раз в жизни, причем бил его даже тогда, когда тот уже не мог сопротивляться... Наконец, дверь каморки резко распахнулась, и на пороге появился огромный макхариец, которого Нойрос видел в зале совета.

— Ее преподобие, посоветовавшись с членами совета Ревнителей, приняла свое решение. Ступай в зал.

Поймав заговорщический взгляд пожилого стражника, который прикладывал хладный камень к его ушибам, Нойрос приподнялся на ноги и гордо выпрямив спину, отправился в зал. Ревнители стояли почти так же, как когда он вошел сюда в первый раз — только Алекто стояла чуть поодаль, сияясь принять торжественный вид (насколько это позволяла ее пугающая внешность). Кайрен же отсутствовал.

— Нойрос Традонт, — произнесла она, выдержав большую паузу. — Я, Алекто из Хирсала, глава ордена Ревнителей Покоя Чаши, приняла свое решение. Подойди ближе... На колени.

Несколько изумленный, Нойрос, тем не менее, повиновался, после чего Алекто продолжила:

— Именем короля Кайлеса IV, лорда Бракмоса, и Преподобного Мастера, я принимаю тебя в орден Ревнителей Покоя Чаши, — с этими словами девушка обмакнула палец в стоящую на столе церемониальную чашу с маслом лотоса, после чего трижды коснулась лба Нойроса, и единожды — носа. — Клянешься ли ты верно служить Сиппуру и святой Церкви Аклонтов? Клянешься ли наставлять на истинный путь заблудших, а закоренелых врагов веры — нещадно истреблять?

— Клянусь, — ответил Нойрос.

— Клянешься ли ты всегда приходить на помощь своим братьям по оружию, плечом к плечу проходить вместе с ними через все невзгоды?

— Клянусь.

— Клянешься ли ты служить в ордене до самой

того, чтобы быть узанным, но пока что мимо проезжали лишь кареты незнакомых ему людей.

День тянулся неторопливо. Над городской суетой незыблемо и монументально возвышался чернокаменный акфоттский замок, словно одаривающий молчаливым презрением копошащихся внизу людей.

«Где-то там сейчас лорд Бракмос, — думал Нойрос. — Наверняка орет сейчас на своих холуев, либо ухлестывает за фаворитками вроде Десмы... А я далеко от всего этого, и мне совершенно плевать. Я нашел себе место, и очень скоро смогу хлестать коньяк или брагу, не думая ни о каких начальниках...»

Некоторое время спустя Нойрос снова погрузился в думы об Алекто: и что в этой отталкивающей особе могло привлечь его? Разве что им овладело безумное желание бросить вызов самому себе и овладеть той, которая была для него недосыгаема? Нойрос бывал со многими женщинами — но такие чувства были для него в новинку

В свою очередь, тот факт, что Дайял женится на простолюдинке, пускай и достаточно высокопоставленной, представлялся весьма и весьма странным. Род Дайялов весьма древен и богат, и вряд ли родители Мораса примут этот союз как должное.

В конце дня Сфиро пригласил Нойроса в таверну, однако тот вежливо отказался, не желая так сильно сближаться с подозрительным чужеземцем в первый же день своей службы. Вернувшись в штаб Ревнителей, Нойрос сдал пост, после чего направился домой. Оружие и доспехи остались при нем, поэтому он шел по вечерним улицам без опасения за свою жизнь, хотя и понимал, что встретиться он с более-менее организованной шайкой — ему несдобровать.

Переменчивость настроения была свойственна Нойросу, и на сей раз он решил изменить свои планы. Он решил, что слишком измотан, поэтому не пошел ни в бар, ни в бордель.

Дома Нойроса встретили тихо, без лишней суеты и расспросов. Увидев на нем одежду Ревнителей, все поняли, что он добился своей цели. Мать тихо обняла его, не удержавшись при этом от слез. Десма молча похлопала брата по плечу, изобразив даже как бы одобрительно улыбнувшись. А вот отец повел себя как-то странно... Он почему-то отводил глаза в сторону, а потом произнес сдержанно «Поздравляю!»

«Невероятно... он выглядит, так, будто чем-то встревожен. Ох, как это непохоже на тебя, отец... В чем же тут дело?»

За ужином все члены семьи Традонтов долгое время хранили молчание. Отец по-прежнему выглядел как-то взволнованно и вместе с тем угрюмо. Слуги принесли сначала суп из моллюсков, а некоторое время спустя на столе появилось аппетитное жаркое из пеликанов. Проголодавшийся Нойрос жадно поглощал пищу — только сейчас он сообразил, что не обедал сегодня (видимо, подразумевалось, что он должен был перекусить в одной из акфоттских харчевен).

Когда Нойрос доедал вторую пеликанью ножку, Десма внезапно нарушила молчание:

— Вы хотя бы в курсе того, что творится в Макхарии?

Не дождавшись ни от кого ответа, она продолжила:

— Кровавый Мангуст поднял мятеж против короля Альхаро. Лорд Бракмос рассказал мне сегодня.

— Да хранят нас Аклонты! — всплеснула руками госпожа Аглара. — Что этот вероломный червь о себе возомнил?

— Надменный глупец... — протянула Десма. — Он обречен на гибель, также как и его отец в свое время. Король Альхаро проявил тогда

Со смирением и безмерной любовью, навсегда твоя, Десма Традонт

услышал о том, что простая девушка, служащая в генеральской канцелярии, задержала опасного лазутчика, я был искренне поражен. Разумеется, такой самоотверженный поступок не может остаться без награды!

С этими словами правитель Геакрона извлек из кармана стальную брошь, на которой был изображен стальной кулак на фоне скрещенных копий, и под одобрительные хлопки командиров и солдат приколот знак отличия на грудь Кире.

Ей казалось, что в ее жизни не было более счастливого момента: наконец, она почувствовала, что кому-то нужна, что ее старания не были напрасны, и лучшие люди государства восхищаются ею.

Сердце Киры пылало от восторга, а на глазах выступили слезы гордости: гордости не за себя, а за свою славную страну, где царит всеобщее счастье и каждый получает то, что заслужил: не важно, маршал или простой канцелярский работник.

Но детская радость Киры была немедленно омрачена, так как взгляд ее упал на человека с черным платком на лице, и она вспомнила о жутких муках, которые переносят люди, томящиеся в тюрьмах по подозрению в государственной измене.

«Гони прочь такие мысли, — одернул Киру ее внутренний голос. — Предатели тоже получают свое. Может, Кофаг и жуткий тип, но и он служит благой цели».

Дзар между тем продолжил:

— По такому случаю, я хотел бы предложить вам, дорогая Кира, провести сегодняшний вечер в моей компании и компании моих подчиненных. Мне бы очень хотелось уточнить некоторые детали вашей операции по поимке шпиона. Мне многое рассказывали об этом происшествии, но я жажду услышать все из уст самой героини. Предлагаю вам быть сегодня в семь часов вечера на этой площади. Вас заберет карета.

— От таких предложений не отказываются, — вполголоса произнес маршал Зариккен на ухо Кире.

— Ах, я... я... Да, да! Конечно, я буду здесь в семь, — произнесла вконец растерянная Кира. — Генерал Варкассий позволит мне уйти немного пораньше, не так ли?

— Непременно, — Дзар радушно улыбнулся.

Остаток дня Кира совершенно не могла думать о работе. Да и как ей было думать о чем-либо, кроме чудесной истории, приключившейся с ней сегодня? Генерал Варкассий с широкой улыбкой на лице пожал ей руку и поздравил с получением нагрудного знака. Лари Кьял тоже выразил радость по поводу награждения Киры, но, как ей показалось, сделал это не слишком искренне. И на историю о приглашении ее на ужин с самим доко Дзаром он также отреагировал весьма прохладно.

Кира, не сильно стесняясь, отпросилась у генерала

за два часа до назначенного ей времени, и, направившись вприпрыжку домой, стала ломать голову над тем, как ей приготовить себя к званому ужину.

Распустив и причесав свои каштановые волосы, которые она обычно стягивала в пучок, Кира заглянула в свой гардероб. Выбор был невелик, и она не нашла ничего лучшего, как надеть просторное лиловое платье, которое довольно выгодно скрывало ее полноту.

Кира еще долго рассматривала себя во весь рост в огромном зеркале в прихожей ее дома. Ей все казалось, что она полна несовершенств: полная, бледная, с некрасивым пухлым лицом — как она сегодня будет смотреться среди гордых генералов и их блистательных жен?

Так или иначе, назначенный час приближался, и Кире пора было выдвигаться в дорогу. Она решила не брать извозчика и добраться до Центральной площади, прогуливаясь пешком, так как время позволяло.

И почти сразу, как городские часы прозвонили семь, по улице, прилегающей к площади, проехал кортеж из целых трех омнибусов и одной кареты: несомненно, то была карета доко Дзара. Повозки остановились, и Кира немедленно приблизилась к ним. Кучер, управлявший каретой, сделал Кире знак садиться внутрь. Она повиновалась, захлопнула дверцу, и, вне себя от волнения, была даже не в силах посмотреть направо.

— Ну что же вы, Кира, даже не взглянете на меня? — услышала она знакомый голос.

— П-простите, доко Дзар, — от нахождения со своим повелителем в узком пространстве, наедине, Кира испытывала крайнюю степень неловкости, но все же попыталась взять себя в руки и повернула голову в сторону своего могущественного собеседника.

— Старайтесь вести себя более естественно, Кира. Я оказал вам определенные почести, и поверьте, вы их вполне заслуживаете. Постарайтесь расслабиться. Сейчас мы поедem в мой загородный дворец, поужинаем и развлечемcя немного.

— Да, доко Дзар.

— А пока расскажите мне, храбрая Кира, о своем замечательном подвиге.

От этой фразы Кира вся покрылась гусиной кожей: ей совсем не хотелось говорить на эту тему, так как ей могут задать много неудобных вопросов. Но по голосу Дзара она поняла, что на все эти неудобные вопросы ей, скорее всего, и придется ответить.

— А разве вам не рассказали обо всем, что произошло?

— Хм. Рассказали, — ухмыльнулся Дзар. — И многие моменты меня весьма насторожили, поэтому я и решил расспросить вас лично. Во-первых, объясните мне, Кира, что вы делали в баре «Унисолтис» посреди рабочего дня?

— Славно, все сходится. Люди Кофага пытались этого так называемого Пэйона, и он рассказал, что у него были сообщники. Правда, выследить их не удалось.

Пока
не удалось.

— Генералу Варкассию ведь не причинят вреда, верно? Он — образец честного и преданного служаки. Поверьте мне, я знаю его много лет!

— Я даже не сомневаюсь, — бросил Дзар с плохо скрываемой иронией и тут, по-видимому, заметил, в каком состоянии духа пребывает его спутница. — Ну, ну, Кира, полноте... Не раскисайте, вы же скоро выйдете в свет! Мы почти на месте... Вашему командиру ничего не грозит, если его совесть чиста. Не будь я Тиам Дзар, если допущу, чтобы в Геакроне осудили невинного!

«По-моему он разговаривает со мной как с ребенком...»

В то время как Кира собиралась с духом и пыталась отогнать от себя дурные мысли, Тиам Дзар успел выйти из кареты и открыть дверцу с той стороны, где сидела девушка, после чего галантно подал ей руку.

— Прошу, любезная Кира! Добро пожаловать в мое уютное пристанище, где я зачастую провожу свой досуг. Надеюсь, вы не будете разочарованы.

Выйдя из кареты, Кира увидела, что они находятся за городом, на природе, а прямо перед ней возвышается огромное мрачное здание со множеством этажей, замысловатым образом сужающееся кверху. По всему периметру стен оно было украшено огромными стальными шипами, торчавшими на расстоянии примерно пять футов друг от друга. Кира поняла, что это и есть дворец доко Дзара, и ей почему-то сразу показалось, что место это недоброе, жуткое.

Кира проследовала внутрь здания вместе с другими гостями, приехавшими вместе с ней на омнибусах. Здесь были и военные, и прочие влиятельные геакронские деятели: музыканты, поэты, дельцы. Почти все в сопровождении пышно разряженных жен.

«Я буду здесь серой мышью», — с грустью подумала Кира.

Вскоре они оказались в большом слабо освещенном зале с высокими потолками — на столе стояли свечи в канделябрах, на стенах горели редкие факелы.

Длинный стол был накрыт черной скатертью, и издали могло показаться, будто блюда, бокалы и свечи парят в темноте.

Не желая никого чрезмерно тревожить, Кира уселась с краю стола — ее соседом стал пожилой маршал Гиньос Кефу, которого она уже видела сегодня на помосте рядом с доко Дзаром. Кефу, не разменявший еще восьмого десятка, выглядел довольно неважно для своих лет: понурый взгляд, трясущиеся руки —

На этот раз раздались громкие возгласы «О-о-о!» и «Да-а-а!», и гости чокались друг с другом бокалами до тех пор, пока не решили, что натрезвонились вдоволь. Кира, посчитав, что быстро захмелеет таким манером, отпила из своего бокала лишь треть. Однако сосед немедленно заметил ей, что доко Дзар может счесть это за оскорбление, и Кира была вынуждена выпить до дна.

Пир продолжался, угощения сменялись на столе, слуги подливали вино тем, чей бокал пустел. Кира почти ни с кем не разговаривала, со временем все больше ощущая себя лишней среди этого оживленного веселья.

И вот какой-то уже изрядно окосевший генерал поднял вверх свой кубок, неистово заорав:

— Я хочу выпить за гибель врагов Геакрона!

Тост вызвал наибольшее возбуждение за столом по сравнению со всеми предыдущими. Люди еще долго стучали бокалами, крича «Смерть сиппурийцам!», «Долой южных идолов!» и «Геакрон устоит!» Кире снова не удалось выпить меньше, чем ей того хотелось — за ней зорко следил маршал Кефу.

Кира чувствовала, что порядком захмелела: вино, помимо своего дивного аромата, обладало также и значительной крепостью. Ей казалось, что она теряет чувство времени — теперь уже ей хотелось поскорее оказаться дома, в одиночестве, которое она так ценит.

Но тут сам доко Дзар поднялся на ноги, предложив гостям потанцевать. Откуда-то из темноты заиграла спокойная, размеренная музыка: как оказалось, в зале находились виолончелист и два скрипача.

«Ну вот, а у меня кавалера нет, — с некоторым облегчением подумала Кира. — Да и танцевать я толком не умею».

Стоило ей подумать об этом, как она увидела перед собой вытянутую мужскую руку. Подняв глаза, Кира поняла, что это сам великий правитель Геакрона приглашает ее на танец.

— Я... я польщена, доко Дзар, — проговорила она, неловко вылезая из-за стола. — Но я ведь совсем не умею...

— Это неважно, — перебил Дзар, благосклонно улыбаясь. — Просто медленно переставляй ноги и покачивайся в такт музыке, как это делают другие.

Кира ощутила руку доко Дзара на своей талии, и вот они уже неторопливо закружились в танце. Ловя на себе завистливые взоры женщин (не каждая достойна станцевать с владыкой Геакрона!), Кира старалась двигаться как можно плавнее и не отставать от своего партнера. Еще немного, и она осмелилась смотреть ему прямо в глаза. У Тиамы Дзара были крупные карие глаза, и пышная черная шевелюра.

— Простите, если чем-то обидел вас, когда мы ехали в карете, — мягко произнес Дзар. — Вы прекрасная женщина, и не заслужили такого грубого допроса, какой я вам учинил. Порой я путаю, где работа, а где прочая жизнь... Так нельзя. Хоть я и политик, глава государства, но ведь помимо этого я еще и мужчина. И у

Го-Чхула! Он из гунсийцев. Свирепый малый — за это и люблю!

По площадке, играя в свете костра намасленным мускулистым телом, прохаживался оголенный по пояс мужчина лет сорока. Он не имел на голове волос за исключением тех, что росли в области затылка — они были стянуты сзади в хвост. Кира слышала раньше о гунсийцах и об их причудливых прическах — этот немногочисленный народ изолированно жил кое-где на севере Карифа.

Чехам Го-Чхул был вооружен коротким широким ножом со скошенным клинком — Кира видела такое оружие впервые. Гунсиец яростно потрясал им в воздухе, почему-то восклицая:

— Коня-я-я-я! Коня мне! Коня-я-я-я-я-я-я!

Кира нахмурила брови:

— Что это он такое кричит?

— Мечтает о собственной лошади, — с иронией пожал плечами Дзар. — Но при всем моем обожании к нему... я вряд ли в силах осуществить эту прихоть.

И вот, на арене показался другой человек: худощавый, жилистый, с шипастым кистенем в руке. На вид он казался намного старше Чехам: волосы тронуты сединой, а в глазах, как показалось Кире, читался страх.

— Да прольется кровь! — скомандовал Дзар и поединок начался.

Кире было сложно поверить в происходившее: люди бились насмерть прямо здесь, в Геакроне. А те, которые считались в государстве достойными и уважаемыми, кровожадно улюлюкали с трибун, жаждая увидеть чужую смерть.

— Кира, вы легко переносите вид крови? — спросил Дзар таким тоном, будто кто-то из его гостей порезал палец.

Она не успела ничего ответить — хотя Дзар все равно не услышал бы ее — так как раздались оглушительные крики зрителей: Чехам Го-Чхул отсек своего противнику руку почти у самого плеча. Еще несколько минут гунсиец глумился над побежденным: таскал его за волосы и бил ногами под неистовый шум толпы, и лишь потом перерезал глотку.

«Они хуже зверей, — сокрушалась Кира. — Звери убивают, чтобы жить. Но эти люди неистово визжат, машут руками, как безумные, упиваясь сценой убийства себе подобных».

На арене появился еще один боец: с содроганием сердца Кира узнала его. Темные кудри, румяные щеки.

«Пэйон. Так он себя называл».

Тиам Дзар с любопытством наблюдал за ее

реакцией, но Кира постаралась внешне сохранить хладнокровие.

— Старый знакомый, не так ли? Не ожидала, должно быть...

«Так вот кто здесь сражается... Осужденные на смерть преступники», — от этой мысли Кире почему-то не стало легче.

Пэйон был вооружен острой и сетью. Когда бой начался, он стал неторопливо подкрадываться к гунсийцу, стараясь ослабить его внимание обманными движениями. Чехам долгое время не поддавался на эти уловки, лишь угрожающе порывивая, будто рассерженная гончая. Наконец, он не выдержал и опрометью кинулся на сиппурийца. Пэйон набросил на него сеть, но не успел ударить острой: дикарь повалил его наземь, осыпая градом ударов.

Чехам, похоже, намеренно не бил противника ножом, чтобы смерть не наступила сразу. Вскоре Пэйон потерял последние силы для того, чтобы сопротивляться — он лишь перекатывался с боку на бок, избитый, корчась от боли.

Гунсиец же, разорвав сеть, прохаживался вдоль рядов факелов под возгласы подвыпившей публики.

— Вы все захлебнетесь собственной кровью! — вскричал поверженный сиппуриец, напрягая для этого, видимо, последние силы. — Вы все умрете смертью куда более позорной, чем я. А ты, ненавистный диктатор, — обратился он к Дзару, — ты будешь даже хуже, чем мертв, помани мое слово! Аклонты измучают твою душу, сведут с ума, заставляя рвать собственные волосы! Ты будешь... Тьфу...

Пэйон выплюнул несколько своих зубов после того, как его настиг удар ноги Чехамы Го-Чхула. Гунсиец приподнял его за волосы, пытаясь поставить на четвереньки, после чего уселся на него, ударяя пятками по бокам и крича:

— Но-о! Но-о-о! Пошел, мой добрый конь, пошел!

Раздался смех. Смех, который бесповоротно свел на нет отчаянную угрозу Пэйона: теперь его едва ли могли воспринимать всерьез. Окончив тешиться над врагом, Чехан добил его, после чего немедленно закричал:

— Коня-я-я-я-я! Коня, Дзар, коня! Дза-а-а-р!
Коня-я-я-я-я!

— В другой раз, мой добрый друг! — отмахнулся геакронский властелин. — Коня еще нужно заслужить.

— Коня! Коня-я-я-я-я-я-я! — надрывался гунсиец, вводимый гвардейцами Дзара.

Когда доко Дзар предложил Кире отправиться в его личные покои, она просто молча подчинилась: сил удивляться у нее уже не осталось.

«Сколько людей убил этот гунсиец? Десятки, сотни? И сколько еще убьет? Пожалуй, у доко Дзара об этом лучше не спрашивать...»

показалось, что старик чего-то не договаривает.

Так или иначе, суматоха, вызванная подготовкой к конференции в Диргене, отвлекала Ниллона от тревожных мыслей. Все сложилось как нельзя лучше: профессору Хидену удалось арендовать здание, а связи в Дакниссе позволили ему «нашуметь» о готовящемся событии не только в Карифе, но и за рубежом. Ниллон даже почти забыл Геллу... Карифянка все еще всплывала в его мыслях, но эти воспоминания были все слабее и слабее день ото дня, и ему казалось, что скоро он будет способен окончательно забыть ее.

И вот настал день отъезда. Вещи были собраны: у Ниллона набрался лишь небольшой узел — только самое необходимое. Вопрос, касающийся провизии, взял на себя профессор Хиден.

Они должны были встретиться в полдень на Перечной площади: Ниллон, профессор Хиден и извозчик, которого они наняли.

Когда Ниллон покидал свой родной квартал, он увидел, как из одной улочки ему навстречу выходит знакомый ему человек. Вид Гэнли Смуссфилда вызвал у Ниллона неприязнь и раздражение; кроме того, он был особенно не рад подобной встрече, так как не просто не прислушался к словам отца Эда, но и сделал нечто, что должно теперь еще сильнее разозлить консервативного Смуссфилда-старшего.

Их отделяло всего несколько десятков футов. Гэнли хотел было зашагать вперед, но увидев, что Нилл всеми силами старается на него не смотреть, вдруг остановился в нерешительности, затем плюнул и развернулся, зашагав прочь.

Ниллон же направился на площадь, к месту условленной встречи с профессором.

Там его ожидал презентабельного вида черный омнибус, запряженный четверкой ладных гнедых лошадей.

— Я не опоздал, сэр? — с улыбкой спросил Ниллон у профессора Хидена, который уже сидел внутри.

— Ты как раз вовремя, Ниллон, — ответил тот с приветливой улыбкой.

Кучер хлестнул вожжами, и повозка тронулась в путь.

Это было очень необычное чувство для Ниллона — оставлять вдалеке родной город. Он попытался припомнить, когда покидал Прант в последний раз. Это было очень давно, когда он был еще семилетним мальчишкой: тогда он ездил в Сатреб навестить бабушку с дедушкой. О той поездке он помнил мало, и теперь пришла пора освежить в памяти красоты дивной страны под названием Кариф.

После того, как они оставили позади последние уютные домишки предместий Пранта, двигаясь по дороге на Дирген, перед ними раскинулись обширные земли равнины Мепонг. Это был один из наименее населенных районов Карифа: до самого Диргена им могло встретиться лишь несколько небольших деревень. На севере Мепонга текло множество речушек, где процветала рыбная ловля, хотя климат там был более суров из-за близости холодного Эйрийского моря.

А перед Ниллоном и его спутниками проплывали огромные зеленые луга, чередующиеся с темно-желтыми просторами спелой пшеницы. Сейчас было время уборки урожая, и в полях то и дело встречались группы тружеников-крестьян.

«Вот он, мир: большой и разный, — с тихой радостью думал Ниллон. — Слишком долго я сидел в своем безопасном гнездышке. Пора почерпнуть новых впечатлений, а может, и самому блеснуть, если представится возможность».

Дорога не утомляла Ниллона: дул приятный теплый ветер, а благодатная природа вокруг радовала глаз. Небо было усеяно мелкими

облачками, поэтому солнце то пряталось за ними, то выглядывало, начиная светить ярче. Они почти не разговаривали с профессором, молчаливо размышляя каждый о своем.

Усатый кучер по имени Матео был также не из болтливых: он в молчании правил омнибусом, лишь изредка негромко покрикивая на лошадей.

Под конец дня Ниллон все же слегка притомился: повозку постоянно потряхивало из-за неровной дороги, а завести какой-нибудь разговор с профессором Хиденом он почему-то не решался.

Они заночевали в придорожной таверне в одной из деревень. Хозяин был приветлив: он был приятно удивлен появлению гостей с Побережья, к тому же так солидно одетых. На свои расспросы он получил весьма уклончивые ответы о том, что у Ниллона с профессором, якобы, в Диргене дела, связанные с торговлей.

Пужинав, уставшие путники отправились спать.

Чуть свет профессор Хиден поднял Ниллона с кровати и заявил, что нужно продолжать путь.

— К чему такая спешка, профессор? — сонно пробормотал Ниллон.

— По моим расчетам, если мы отправимся в путь сейчас, то явимся в Дирген только ближе к ужину. А нам еще надо место проведения посетить... да и освоиться в чужом городе...

— В чужом? Я думал, Дирген не такой уж чужой вам.

— Для меня любой город чужой, — как-то отстраненно произнес профессор. — Даже Прант... Но не об этом речь. Поверь, чем раньше мы будем в Диргене, тем лучше: будет наплыв множества незнакомых нам людей, стоит заранее разведать обстановку.

Ниллон не стал спорить: все-таки профессор взял на себя большую часть организационных вопросов, и ему как-никак стоило довериться. Да и вряд ли Ниллон смог бы теперь заснуть. Ведь завтра — уже завтра! — состоится событие, которое, возможно, перевернет отношение к аклонтистскому вопросу в карифском обществе.

— Нам стоит плотно позавтракать, — заявил профессор Хиден, приглашая Ниллона и Матео за один из столиков таверны.

Услужливый хозяин поднес им пшеничную лапшу с говяжьими отбивными, после чего вся компания отзавтракала перед тем, как двинуться в путь.

Выходя из таверны Ниллон вдруг сильно закашлялся, чем привлек настороженное внимание профессора. Молодой человек отмахнулся, сказав, что всего лишь подавился едой, однако сам был слегка озадачен, ведь этот сухой резкий кашель уже преследовал его в Пранте.

Первую половину дня повозка продолжала свой путь без каких бы то ни было происшествий: ни погода, ни пейзаж за окном — ничто не менялось по сравнению с предыдущим днем.

Спустя примерно пару часов после полудня путники решили сделать небольшую остановку, чтобы перекусить сушеным мясом с лепешками. Ниллон считал, что везти с собой такого рода провизию не слишком разумно, однако, по крайней мере, им было чем перекусить в дороге при отсутствии населенных пунктов поблизости.

Еще через некоторое время природа вокруг стала куда разнообразнее: дорога то проходила сквозь небольшие перелески, то ныряла в овраги. Деревни все чаще встречались на пути омнибуса, на дороге тоже становилось болеелюдно: многие крестьяне спешили в город сбывать свое продовольствие, а некоторые торговали прямо у обочины.

Когда тени удлинились, и солнце стало клониться

к закату, вдалеке, на огромном пологом холме зачернела полоска городской стены Диргена.

«Осталось совсем немного, — подумал Ниллон, охваченный приятным волнением. — В этом городе мы сделаем наш первый шаг. Первый шаг к тому, чтобы защитить наш народ от чужеродной религии».

Ниллон знал, что больше половины населения Карифа исповедуют энекизм — учение, основанное мыслителем Энеком во 2 веке после П.Э., которое проповедует милосердие, доброту и терпимость ко всем людям. Согласно Энеку, люди после смерти начинают новую жизнь в другом теле, а условия, в которые они попадают, сообразны тому, насколько праведно они прожили жизнь предыдущую. Ниллону эта концепция «жизни после жизни» всегда казалась абсурдной, однако энекисты были и среди его окружения: например, его мать и друг Бафнил.

Кое-где на севере, в Дакниссе и Старом Каре еще сохранились люди, верные Культуре Природы — древней религии погибшего Эйраконтиса. Почитание озер, лесов, полей, болот как одухотворенных существ считалось большинством современных карифян глупым пережитком прошлого. Однако мудрецы утверждали, что именно презрение к природе и привело Эйраконтис к гибели: Духи переместили остров далеко на север, и большинство эйраконтийцев погибло во льдах, не успев добраться до кораблей.

Но эти верования в представлении Ниллона не имели ничего общего с чудовищной экспансией аклонтистской чумы, уже поразившей большую часть материка Роа. Самым пугающим в тех слухах, которые ходили об Аклонтах, было то, что им приписывались свойства не абстрактных богов, а вполне реальных существ, способных карать и награждать своих подданных. Однако он яро убеждал себя, что все это вздор фанатиков, силящихся застрашать их, свободомыслящих северян.

Дирген, город на холме, становился все ближе и ближе, и вскоре омнибус проехал через широко распахнутые дубовые ворота, после чего его пассажиры немедленно подверглись досмотру со стороны одного из привратников. Убедившись, что путники не везут ничего запрещенного, блюститель осведомился:

— Какова цель прибытия в Дирген?

— Проведение конференции для обсуждения аклонтистского вопроса, — не секунды не медля, выпалил профессор Хиден.

Несколько мгновений привратник просто глазел на профессора в оцепенении, потом сморщил нос, как будто ему поднесли протухшую похлебку, после чего махнув рукой, удалился, не сказав более ни слова.

— Не все карифяне — противники принятия аклонтизма, — негромко произнес профессор, когда омнибус проехал еще немного.

— Куда теперь, доко Хиден? — осведомился кучер Матео, который явно утомился за эти два дня и желал отдохнуть.

— В трактир, — коротко ответил профессор.

— В трактир? — не понял Ниллон. — Но ведь вы говорили, что сняли для нас небольшой дом на время проведения конференции?

— Так и есть. Но трактир посетить мы должны. Туда стекаются все слухи и известия.

Ниллон молча кивнул, хотя и рад был бы прямо сейчас прилечь отдохнуть в уютном и уединенном месте. Ему вспомнился дом, и эта мысль огорчила его.

«Не вздумай, — одернул он себя. — Слишком мало времени прошло для того, чтобы начинать тосковать».

Улицы Диргена показались Ниллону шире и многолюднее по сравнению с прантскими; здесь чаще встречались старинные дома с причудливыми архитектурными орнаментами. Где-то в центре города омнибус

остановился у большого трактира. Расплатившись с Матео и поблагодарив кучера за услуги, Ниллон с профессором Хиденем, захватив свои пожитки, отправились внутрь здания.

Посадив Ниллона за стол, профессор заказал ему ужин, а сам, в свою очередь, отправился к трактирщику. Ниллон видел, как они переговариваются, но слышать слов он не мог из-за шума в помещении. Спустя некоторое время Хиден присоединился к нему, неся свою миску дымящегося картофельного супа.

— Какие новости, сэр? — справился Ниллон.
— Большинство наших гостей уже прибыло, — доложил профессор с довольной полуулыбкой. — Как говорит владелец этого трактира, в последние пару недель здесь только и разговоров ходит, что о нашей конференции. Понятное дело, будет присутствовать немало карифян, в основном купцы и мелкие чиновники. Что касается фракции наших оппонентов, то прибыл какой-то особый гость из Виккара, о личности которого ничего толком не известно. И еще... — Хиден понизил голос. — Хозяин шепнул мне это по большому секрету, — и то, пришлось приплатить, чтобы развязать ему язык, — но завтра сюда прибудет делегация кампуйцев вместе с одним из своих горных воевод.

Услышав это, Ниллон помрачнел, и профессор это, похоже, заметил.

— Да, от кампуйцев добра не жди, не спорю. Но на пути сюда их не раз досмотрят карифские патрули, так что я не ожидаю здесь какого-то подвоха. Между тем я убежден, что, по крайней мере, словесную дуэль аклонтисты нам проиграют.

Ниллон ничего не ответил. Он уже доел свою порцию, и теперь ожидал, когда с супом справится профессор.

Трактирщик был разочарован, узнав, что гости не останутся у него, однако Райджес Хиден, доброжелательно улыбаясь, заверил, что обязательно остановится в его заведении во время следующего визита в Дирген.

Выйдя на улицу, они вскоре поймали извозчика, после чего отправились на окраину города, где находился арендованный профессором Хиденем дом. Ниллон обратил внимание, что дом находился недалеко от дороги, по которой они прибыли в город.

То был скромный одноэтажный домишко с соломенной крышей, местами поросший лишайником. Взглянув на него со стороны, едва ли можно было сказать, что здесь остановился организатор серьезной общественной конференции, весть о которой наделала в городе немало шуму.

— Завтра мы начинаем в полдень, — объявил профессор Хиден, когда они уже расположились в своих комнатах.

— А где именно пройдет конференция? — спросил Ниллон. — Знаю, вы говорили мне об этом, но я уже забыл.

— Это здание собраний местной купеческой гильдии в центре города. Они согласились сдать мне его в аренду на один день за приемлемую плату. И торговались недолго...

Уставший за день Ниллон довольно быстро заснул, а когда проснулся, его охватило возбуждение от осознания, что назначенный день настал. Он был спокоен все предыдущие дни, но теперь его охватило сильное восторженное волнение, какого он, наверное, не испытывал уже очень давно. Можно подумать, им сегодня предстояло штурмовать сами стены Акфотта!

Здание, где должна была пройти конференция, по яркости своего архитектурного облика уступало прантскому университету, однако было куда более чистым и ухоженным. Круглое, двухэтажное, оно располагалось неподалеку от крупнейшей площади Диргена.

У входа уже собралась толпа карифских граждан в бурых и серых сюртуках и котелках, которые заметно оживились при появлении профессора Хидена.

— Доко Хиден, вот и вы! Приветствуем! — кричали они. — Отлично! Как добрались? Мы вас ждали!

Хиден горячо пожимал руку каждому, постепенно продвигаясь к входной двери. Наконец, поток людей, среди которого затерялся и Ниллон, хлынул внутрь: все гомонили, вертели головами, о чем-то спрашивали друг друга. В этот момент Ниллон ощутил укол уязвленного самолюбия:

«Ведь я здесь простой наблюдатель, не более... Хотя я и хорошо дружен с профессором Хиденом (в конце концов, именно я предложил план конференции!), но сейчас моя роль так ничтожна, что в какие-то предательские мгновения я думаю: «А не лучше ли было послушать мать и остаться в Пранте?»

Они вошли в небольшой круглый зал с трибуной, и люди стали рассаживаться. Во втором ряду Ниллон заметил группу мужчин, разодетых довольно щегольски и не по карифской моде: цветастые сюртуки с косыми воротами, высокие цилиндры на головах, розы в петлицах.

«Виккарцы», — заключил Ниллон, когда обратил внимание, что почти все они имели белокурый цвет волос.

Не окончил он разглядывать западных франтов, как вдруг в зале появилась новая, на этот раз более многочисленная группа незнакомцев. Плащи из шкур горных туров, длинные черные волосы, крупные и хищные черты лица — горцев из Кампуйиса едва ли можно было с кем-либо спутать.

Вдруг вдоль рядов прошелся осанистый мужчина с пышными усами и очень жидкими наполовину седыми волосами, одетый в прекрасный темно-лиловый сюртук. Весь его вид источал важность и самолюбование, люди оборачивались на него и в волнении перешептывались. Тут к Ниллону подбежал взволнованный профессор и, указав на мужчину, быстро прошептал:

— Ты видишь, кто это? Это же Виньо Гепталис, член Правящего Совета Карифа! Меня никто не предупредил о том, что он тоже прибудет!

— Это п-плохо, что он здесь? — проговорил озадаченный Ниллон.

— Уж не знаю, — отмахнулся Хиден, — но одно скажу точно: здесь наверняка будет жарко! Гепталис — сторонник принятия Карифом аклонтизма.

И, одарив юношу многозначительным взглядом, профессор куда-то заспешил.

Аклонтисты заняли места в дальней части зала, неподалеку от своих единомышленников из Виккара. Наконец, говор толпы стал постепенно стихать, и профессор Хиден, занявший место у трибуны, приковал к себе внимание собравшихся. Ниллон заметил, что в первом ряду сидят несколько мужчин с перьевыми ручками и толстыми тетрадами в руках: должно быть репортеры из Дакнисса, которых планировал пригласить профессор.

— Уважаемые господа! — зычным голосом обратился Райджес Хиден к публике, взойдя на трибуну. — Я крайне рад, что все мы...

Тут он прервался, так как дверь зала отворилась, и на пороге появилась запыхавшаяся русоволосая девушка. Это была Гелла Бростолл. Тихо извинившись, она поспешила занять свое место.

Мир пошел кругами в глазах у Ниллона: он не думал больше ни о профессоре, ни об аклонтистах. Голова кипела от безумного потока мыслей:

«Гелла здесь... Она вернулась... Но почему? Здесь, в Диргене... Вести дошли... Но что... Простое любопытство? Или из-за меня? Возможно

ли...»

Обрывки судорожных мыслей наполнили его голову.

Профессор между тем продолжал: — Я рад, что все мы собрались здесь для обсуждения той проблемы, игнорировать которую становится все труднее и труднее с каждым днем. Хочу поблагодарить гостей из Виккара и Кампуйиса за то, что откликнулись на призыв и почтили этот скромный город своим визитом. Но прежде, чем мы перейдем к дебатам, я хотел бы дать слово человеку, без которого наша встреча не состоялась. Хочу пригласить за трибуну Ниллона Сиктиса из города Прант – именно ему принадлежала идея созыва нашей конференции! Прошу вас, Ниллон!

Ниллон настолько опешил от такого неожиданного приглашения, что не сразу осознал, что сейчас все внимание сосредоточится именно на нем. Он не успел еще прийти в себя от неожиданного появления Геллы, как вдруг на него свалилось новое испытание! Народ в зале, услышав незнакомое имя, взволнованно завертел головами; и до тех пор, пока Ниллон не поднялся на ноги, повсюду царило некое замешательство.

И вот, едва помня себя от волнения, Ниллон направился под любопытствующие взоры к главной трибуне.

Профессор встретил многозначительный косой взгляд Ниллона с лукавой улыбкой, после чего с нескрываемым удовольствием передал ему слово. Держать речь перед столь пышной и знатной аудиторией было делом крайне сложным для скромного домашнего паренька, однако опыт выступлений на лекциях в Пранте не позволил Ниллону полностью потеряться, и очень скоро он понял, что у него просто нет права сесть в лужу в этот, пожалуй, исторический момент.

— Дорогие... к-хм... — начал он несмело, — дорогие граждане! Я крайне рад, что все вы сочли небесполезным прибыть в этот день и час... сюда, в город Дирген. Я... я действительно был первым, кому пришла в голову идея провести подобное собрание и узнать путем мирного совещания и обмена мнениями, как нам лучше разрешить назревающий в мире кризис. Вы... к-хм... вы все, собравшиеся сегодня здесь, определенно, очень разные. У вас разная внешность, культура, и взгляды на политику. Но прежде, чем мы приступим к дискуссии, я хотел бы попросить вас об одном... Как бы не различались наши позиции, какими бы непримиримыми противниками некоторые из нас ни были по отношению друг другу, сохраняйте уважение к оппонентам, будьте вежливы и добры. Человеколюбие должно быть на первом месте – только при этом условии мы можем получить шанс на достижение какого-то взаимопонимания. А... а теперь, пожалуй, не смею более отнимать времени. Можем приступать. Спасибо!

Раздались аплодисменты: не слишком бурные, однако стало понятно, что по крайней мере карифская часть зала осталась довольна речью инициатора конференции. Ниллон, заметив аплодирующего с довольным видом профессора, отвесил короткий, но чинный поклон и неторопливо, с достоинством отправился на свое место.

Выдержав не слишком долгую паузу для того, чтобы собравшиеся успели поделить эмоциями от выступления молодого жителя Пранта, Раджес Хиден вновь взял слово:

— Итак, мы собрались здесь для обсуждения проблемы, которая буквально носится в воздухе уже не первый год, требуя быть решенной рано или поздно. И пока политики ведут свои грязные игры, мы, свободные и независимые представители своих наций, проявим гражданское мужество, честно разобравшись в том, что является для нас камнем преткновения. Речь идет об угрозе, — профессор многозначительно обвел взглядом аудиторию, — да, да, настоящей угрозе, которая нависла над Карифом и дружественными ему государствами.

В аклонтистском секторе прошел возмущенный

Но вот зал замето притих – на ноги поднялся человек, слова которого явно ждали многие – Виньо Гепталис. Парламентарий властно и вместе с тем снисходительно окинул взором зал, убедившись, что все наконец готовы его слушать.

— Моя речь, господа, — начал Гепталис размеренным и пафосным тоном, который мало вязался с его тонким слабым голосом, — будет призвана примирить две враждующие стороны, если... — тут он многозначительно вскинул брови, — у моих соотечественников будет достаточно благоразумия непредвзято отнестись к моим доводам. Итак, я, как вы знаете, человек политики и мне чужды эмоции при решении вопросов. Пред нами в данном случае стоит простейшая дилемма: избежать войны либо ввязаться в нее. А то, что война будет неизбежна в случае отказа Карифа принять новую веру для меня является уже абсолютно очевидным. Карифяне, одумайтесь! Ваша гордость может стоять слишком дорого. Нам противостоит целый союз из могущественнейших государств Роа; если пожар войны охватит страну, нас ждут колоссальные жертвы! Что мы скажем вдовам и сиротам после того, как аклонтисты, наконец, сокрушат нас?

— Чушь! Как он смеет! Прекратить! — послышались крики карифских купцов. Зал снова зашумел.

— Вы лезете в самое пекло, не думая о последствиях! — пытался продолжить Гепталис, однако слова его тонули во всеобщем ропоте.

— Изменник! Трус! — кричали люди. — Долой его из Совета!

Споры между тем разгорались все жарче. Репортеры строчили своими ручками, вертя головами то туда, то сюда. Профессор Хиден героически отбивал нападки аклонтистов, блистая безупречной логикой своих аргументов. Его же оппоненты все больше теряли контроль над своими эмоциями, начиная напоминать свору злобно лающих собак. Даже с лица Гарви Кадуно сошла надменная ухмылка, хотя он казался все таким же невозмутимым. Наконец, не в силах больше терпеть то, как играючи Хиден берет над ними верх, из рядов аклонтистов вышел еще один рослый косматый кампуюец, в округленных глазах которого читалась неприкрытая ярость.

— Ты – ничтожный, выживший из ума старикашка! — взревел горец, жутким образом коверкая эйрийские слова. — Думаешь, такой все сильный!? Много возомнил о себе! Тебе нужны аргументы? Дискуссии захотел? Молот — вот наш аргумент! Копье промеж лопаток — вот и вся дискуссия! Дерзните противиться нашему альянсу, и мы утопим вас в крови. Кампуйис не забыл 719 год, слышите!? Мы нанижем ваших детей на колья, изнасилуем и сожжем ваших жен! Нас больше, и мы все равно раздавим вас, так и знайте!

Профессор Хиден притворно улыбнулся и к удивлению всех, зааплодировал.

— А вы знаете, господин, — проговорил он после театральной паузы, — ваши доводы в сущности куда разумнее, чем все то, что говорили сегодня ваши единомышленники. Представьтеся, пожалуйста.

— Фойкан Бамзарри, горный воевода. Вспомнишь мое имя в свой смертный час, старик!

— Ну что ж, это действительно так: вы можете просто-напросто взять нас силой. Но и Кариф без боя не сдастся, в этом также можете быть уверены. Только это уже тема совсем другой беседы...

Подобие дискуссии продолжалось еще некоторое время; несколько карифских купцов также выступили, не сказав по сути ничего нового, а лишь выразив свое полное согласие с позицией Райджеса Хидена. Когда профессор начал подводить неутешительные для аклонтистов итоги конференции, кампуюцы покинул зал, повинувшись приказу Фойкана Бамзарри. Виккарцы же проявили чуть больше почтения.

Мероприятие было завершено. Люди, оживленно переговариваясь, постепенно двигались к выходу; профессор Хиден пожимал руки репортерам, попутно давая им какие-то пояснения.

Ниллон боялся, что Гелла затеряется в толпе и исчезнет, как в прошлый раз. Хотя здесь, среди людского шума, ему с ней говорить также не хотелось. И вдруг, когда он находился у двери, ведущей из зала в коридор, его окликнул профессор Хиден. Окликнул негромко, но в голосе его слышалась тревога или даже испуг. Ниллон приблизился к нему, желая узнать, в чем дело. Профессор косился на окно, как будто именно там располагался источник его беспокойства.

— Телега... рядом со зданием... Они выгружают оружие... Нам надо бежать... — сам не свой произнес Райджес Хиден. Таким его Ниллон еще не видел никогда.

— За мной! — крикнул профессор, будто бы вновь обретая присутствие духа. — Спасемся через черный ход. Бежим!

И Ниллон побежал. Но только не за профессором. Гелла. Все его существо сейчас жаждало видеть ее, быть рядом с ней.

Он не слышал, что профессор кричал ему вслед. Он слышал только стук своих шагов и сумасшедшее биение сердца.

«Пускай меня изрубят в куски, — отчаянно думал он. — Пускай рыдают родители. Я ничего больше не желаю — но я не покину без нее это место!»

И он увидел ее. Гелла шла по полупустому коридору, приближаясь к повороту, за которым уже брезжил дневной свет с улицы.

— Гелла! Гелла! — Ниллон кричал что было мочи, не беспокоясь о том, что его могут услышать те, кому не следует.

Карифянка обернулась, удивленно глядя на него, и он, приблизившись, едва удержался от того, чтобы обнять ее.

— Гелла! Нам надо бежать, — Ниллон быстро запыхался, так как совсем не привык бегать. — У нас нет времени...

— Ниллон, ты? — изумилась девушка. — Ты что, спятил? Куда бежать? Ты...

— Послушай, мы в опасности! — Ниллон схватил ее за плечи, словно бы надеясь, что так его слова будут звучать убедительней. — Гелла... Умоляю, просто следуй за мной! Ты можешь мне довериться. Я знаю, как глупо сейчас это все выглядит... Я должен был сказать тебе это еще там, в Пранте...

Он умолк на пару мгновений, и их глаза встретились.

Где-то недалеко раздались крики и лязг стали.

После этого он схватил Геллу за руку и увлек за собой — она не сопротивлялась.

Профессор уже успел настичь их — и откуда столько прыти у пожилого человека?

— За мной, живо! — крикнул он.

Несмотря на охвативший его страх, Ниллон не мог не поразиться тому, как быстро, прямо-таки неестественно для своих лет, бежит профессор. Они с Геллой едва поспевали за ним. За ними также увязались двое репортеров: они, видимо, слышали, что сказал профессор Ниллону в зале, и теперь, не расставаясь со своими тетрадами, также ухватились за возможность спастись.

Ниллону стоило немалых усилий не поддаваться панике, но он старался, как мог — ради Геллы. Случайно он заметил, что в глазах у девушки стоят слезы.

Всех попадавших по пути людей они, как могли,

убеждали следовать за ними: многие внимали уговорам, а кто-то, охваченный паникой, бежал к главному выходу.

Они всецело доверились профессору, неуклонно следуя за ним. Здание было невелико, и долго блуждать им не пришлось.

— Вот черный ход, скорее! — Хиден распахнул дверь, находившуюся в конце короткого темного коридора.

И тут их ждал ужасающий сюрприз. Двое кампуйцев с копьями наперевес уже караулили их здесь.

— Опускаемся на землю, медленно! — спокойно скомандовал старший из них.

И только сейчас Ниллон заметил, что профессор Хиден держит в руке какую-то длинную прямую палку. Он выставил ее вперед, после чего раздался грохот, и прежде, чем Ниллон успел что-либо понять, кампуйец упал замертво, окровавленный. Второй его сородич кинулся наутек, и по взгляду профессора все поняли, что ему придется дать уйти.

— Аркебуза, — обронил профессор на бегу. — Так называли их в Эйраконтисе. Сила пороха... и камня.

Беглецы оказались на диргенской улице — здесь еще никто не знал о случившемся, жандармов также не было видно. Профессор Хиден жестом велел продолжать следовать за ним. Спасшиеся карифяне (их было человек семь, не считая Геллы и репортеров) немедленно разбежались, кто куда. Остальные повиновались профессору.

Вскоре они увидели омнибус, очень напоминавший тот, в котором Ниллон с профессором прибыли в Дирген.

— Матео, славный Матео, ждешь нас... — вне себя от радостного облегчения, пробормотал профессор Хиден, когда вся пятерка оказалась внутри повозки.

— Как и приказывали, доко Хиден, — весьма буднично отозвался усатый кучер.

— Быстрее трогай! Выбираемся из города.

— Что!? — гневно вскричал Ниллон, внезапно вновь обретя рассудок. — Вы знали, что на нас нападут? Знали и не сказали?

— Я подозревал... — отстраненным тоном отозвался профессор.

— Подозревали?

— Допускал такую возможность — так будет вернее сказать. И поэтому решил перестраховаться.

— Да по вашей милости аклонтисты теперь перебьют десятки карифян, защищавших вас на конференции, хотя вы, вы им больше всего нужны! М-да... Но репортеров вы спасли! — Ниллон, наконец, осознал, что происходит. — Вы отправите их в Дакнисс, верно? Там узнают о случившемся: о конференции и о том, что произошло после. Карифское общество сплотится — все как вы задумывали! Гордитесь собой, не так ли? И, конечно, не считаетесь с ценой, которую за это заплатят невинные люди. Заплатят своими жизнями!

— Это не на моей совести! — отмахнулся профессор. — Я понятия не имею, как кампуйцы провезли сюда оружие.

«И Гелла тоже бы погибла! — со злостью подумал Ниллон, но промолчал. — Погибла бы, если бы не я...»

— Нам нужно в жандармерию, — резко заявил молодой человек. — Необходимо сообщить о случившемся, чтобы аклонтистов перехватили.

— Это слишком рискованно, — возразил профессор. — Жандармский участок на другом конце города. К тому же аклонтисты,

11. Глава 10

Акфотт. Конец лета 729 года после падения Эйраконтиса

Ожидания Нойроса оправдались, однако с некоторыми оговорками. Сфиро в самом деле сдержал свое слово и сделал так, что Алекто назначила его Нойросу в напарники. Но в команду к ним был назначен еще и третий человек, его звали Камир — сгорбленный, рябой, вечно унылый. Ему было около тридцати, но выглядел он намного хуже своего возраста. За то время, что Нойрос проходил вместе с ним, он ни разу не видел, как тот улыбается. Камир даже не ходил в бары — в отличие от остальных Ревнителей.

Родители Нойроса были крайне взволнованы внезапным исчезновением Десмы. Разумеется, он первым подвергся тщательному допросу, однако и виду не подал, что может знать, куда запропастилась сестренка. Затем Йорак Бракмос сообщил Пфарию Традонту, что Десма отбыла по его особому поручению, суть которого он не может раскрыть в связи с его секретностью. Тем не менее, лорд-протектор заверил, что опасности для жизни Десмы создано не будет, и она в скором времени вернется домой в Акфотт.

Нойрос, разумеется, знал, что это ложь, так как прочел прощальное письмо сестры Бракмосу. Ему было крайне приятно узнать о ее любовных похождениях, и втайне он надеялся, что в будущем выдастся случай применить это знание против сестры. Во время своих утомительных дежурств в компании с молчаливым Камиром Нойрос не раз размышлял о содержании письма Десмы:

«А действительно ли она отправилась на переговоры с кампуйцами? Или, быть может, это только уловка, предпринятая Десмой, чтобы скрыть от Бракмоса какие-то свои делишки на стороне?»

Так или иначе, Нойрос переживал за сестру. Он никогда не любил ее и не обманывался на этот счет, однако, если бы с Десмой что-то случилось, это стало бы для него большим ударом — как-никак родная кровь.

Еще одной темой, постоянно занимавшей его мысли, была Алекто. Ее пугающий и вместе с тем притягательный образ не шел у него из головы. Как бы это ни казалось невероятным, но Нойрос, похоже, вынужден был признать самому себе, что глава Ревнителей Покоя Чаши в некотором роде овладела его сердцем.

Однако Морас Дайял — очень опасный соперник. Мало того, что он знатен, он еще силен и весьма искушен в фехтовании. К тому же, если верить Сфиро, у него скоро свадьба с Алекто. Остается лишь попытаться как-то убедить Алекто, что он, Нойрос, более достоин ее руки, нежели Дайял. Но как это сделать? Задача казалась неразрешимой.

События сегодняшнего дня выбились из повседневного рутинного графика Ревнителей. Когда Нойрос, как всегда, прибыл утром в штаб, он обнаружил, что там царит какое-то оживление: множество людей переговаривались и спорили между собой.

Нойрос поинтересовался у Сфиро, что происходит.

— Вчера в ходе карательного рейда в одной из школ схватили тринадцатилетнего юнца, — пожал плечами макхариец. — Он поносил Аклонтон, и защищал своего нечестивого учителя. Учителя, скорее всего, сгноят в темнице... А вот что с парнем делать, пока не решили.

— А-а-а, вот он! — Нойрос услышал ненавистный голос. — А ну, пойдика сюда!

Косоглазый Кайрен заметил его — пришлось повиноваться. Они стояли с Алекто недалеко от входа в зал собрания ордена и точно ожидали его.

— Пришло время проверить тебя, Нойрос, — произнесла глава Ревнителей. При этом что-то

шагали по улицам Акфотта — в этот час здесь было довольно безлюдно, хотя торговцы уже начинали открывать свои лавки.

«Впрочем, здесь нет ничего удивительного, — рассудил Нойрос, немного успокоившись через некоторое время. — Алекто очень проницательна и вместе с тем безжалостна. Она почувствовала мою слабость и решила испытать меня. А я не так-то прост, как она думала. О, Аклонты! И угораздило же меня втюриться в такую сволочь! Но ничего не могу с собой поделать... Даже не знаю, как отвлечь себя. Можно, конечно, как всегда, напиться... Впрочем, мне даже побеседовать толком не с кем».

Нойрос никогда не считал себя замкнутым; во время учебы в гимназии он легко находил общий язык со сверстниками, однако настоящей дружбы ни с кем завести не сумел. Родителям он доверял, однако им можно было рассказать далеко не все, а отношения с сестрой складывались и вовсе прескверно.

Сложно было объяснить почему, но макхариец Сфиро очень понравился Нойросу: здоровяк умел расположить к себе, и в его компании было просто приятно находиться. К слову, они часто проводили между собой тренировки по фехтованию. Сфиро не давал Нойросу спуска — макхариец владел саблей превосходно. Новых синяков, разумеется, избежать не удалось, однако Нойрос чувствовал, как мастерство его росло — и это не могло не радовать. Внезапно молчаливый Камир подал голос — это было так неожиданно, что Нойрос даже вздрогнул:

— Мне необходимо отлучиться на гапарию: моя сестра отмечает рождение дочери, и мать очень просила, чтобы я тоже присутствовал. Вы не против, если я оставлю вас до конца дня?

Сфиро, начальник отряда, согласно кивнул, а Нойрос с неприязнью вспомнил свою собственную гапарию... И что заставило его тогда воспротивиться Аклонтам? Это было так бессознательно, спонтанно, необъяснимо — словно какое-то минутное предательство разума. Нойрос не любил вспоминать этот момент, и мысль о будущих гапариях его страшила.

Нойрос и Сфиро остались вдвоем на улице — и вот, все как в первую неделю после его вступления в орден: вокруг был шумный, огромный город, который он считал родным. Но теперь тоска сжимала его сердце: Нойрос не понимал, в чем его предназначение, кого он на самом деле защищает, и мог только гадать, как сложится его дальнейшая судьба. И вдруг, неожиданно выведя его из тоскливой полудремы, неподалеку остановился роскошный паланкин какого-то вельможи. Один из слуг свистнул и жестом велел Нойросу приблизиться.

Из-за узорчатой занавески выглянула круглая плешивая голова Декирия Ганата — Нойрос знал этого человека. То был хороший друг его отца и один из наиболее приближенных к лорду-протектору людей, однако у самого Нойроса симпатии не вызывал.

— А-а-а-а, — протянул толстяк, поворачиваясь к Нойросу, — так это правда? Хе-хе-хе, ну подумать только! А ведь я не верил — думал, что из меня хотят сделать дурака. Но теперь и сам вижу: оказывается, сын Пфария Традонта и впрямь подался в псы-каратели!

— Господин Ганат, — вскинулся Нойрос, — вам не стоит так отзываться об ордене...

— Лучшего определения вы не заслуживаете! — бросил вельможа. — Вонючие озлобленные псы — кто же вы еще? Свора гнусного отребья, бессовестно попирающая все законы! Измываться над слабыми — это все, на что вы способны!

Лицо Нойроса налилось кровью.

— Вы заблуждаетесь! — теперь он отчетливо слышал дрожь в своем голосе. — Ревнителю стоят на страже веры. Сам лорд Бракмос...

— Замолчи! — вскричал Ганат. — Не смей прикрываться именем лорда-протектора! Я знаю обо всей этой системе гораздо больше, чем ты можешь себе представить, мальчик. Это все мерзавец Дайял, и его отец, разрази их Аклонты... Но от тебя такого никто не ожидал! Ну что, многих бедняков ты уже обобрал? Многих избил до полусмерти по приказу этой стервятницы?

Нелепо оскалившись, Нойрос испытывал нечто среднее, между желанием ударить Ганата,

убежать прочь и упасть прямо сейчас замертво посреди мостовой.

— Ты опозорил свой род, так и знай! — довершил свою атаку круглолицый вельможа. — Родители желали лучшего для тебя. Давай, удачи в своих беззакониях, ничтожество! С этими словами Декирий Ганат резко задернул занавеску, словно не секунды более не желая смотреть на Нойроса, после чего велел слугам нести его дальше.

У Нойроса внутри все кипело. Ему казалось, что если бы Ганат сейчас вздумал вернуться и сказать еще хоть одно слово, то он отсек бы прихвостню Бракмоса голову одним ударом.

Сфиро положил свою тяжелую руку на плечо приятеля:

— Не воспринимай всерьез. Вся эта знать терпеть нас не может — мы уже привыкли...

Солнце клонилось к закату, и близилось время возвращаться в штаб Ревнителей. Сфиро с Нойросом сдали пост, замолвили словечко за отлучившегося Камира, а после, перед тем, как разойтись, Сфиро как обычно предложил товарищу посетить вместе с ним питейное заведение, на что мнительный Нойрос в очередной раз ответил вежливым отказом.

Погруженный в мрачную хандру, незадачливый блюститель порядка возвращался домой, проходя через дворик в каком-то небогатом квартале. Вдруг Нойрос услышал свист: обычно этим звуком подзывают собак, однако в данном случае это была попытка привлечь его, Нойроса, внимание.

Проигнорировать свист не удалось — его окликнули, после чего уже пришлось обернуться. На него надвигались двое оборванцев — судя по виду, представители акфоттского сброда самого низшего сорта. Однако эти оборванцы были вооружены: один, приземистый, бородатый, держал копье. На поясе второго висела сабля в заржавелых ножнах.

— Что, крысеныш, — прохрипел бородач, — возвращаешься в свою норку? Похоже, не туда ты забрел.

Конечно, по темно-зеленому плащу Нойроса они поняли, что он принадлежит к Ревнителям.

— У меня нет денег, — услышал Нойрос свой голос, цепenea от страха. Тяжелые мысли мигом улетучились из головы и страх за свою жизнь всецело овладел им.

— Нам не нужны деньги! — крикнул второй негодяй, обнажая саблю. — Только месть!

— М-месть? — выдавил из себя Нойрос, понимая, однако, что слова уже не помогут. — Н-но за что вы мстите?

— За нашего отца! — прорычал бородач. — Ваши подлые Ревнителы убили его! И теперь ты поплатишься.

— Я ничего не сделал! — голос Нойроса почти сорвался на писк.

— Зато твои ублюдочные собратья сделали! Придется тебе платить за их дела. И платить кровью.

Нойросом овладело отчаяние, вселившее в него, тем не менее, какое-то подобие решимости. Рука его потянулась к эфесу сабли — но тут его настиг удар древком копья по колену. Нойрос скорчился от боли, повалился на землю. Он хотел просить пощады, но губы не слушались его. Боль затмила разум Нойроса... и внезапно он ослеп. Это было похоже на то, что кто-то вылил ему в лицо помойку — но жидкость была теплой.

Кое-как сморгнув, Нойрос увидел, что человек, стоявший перед ним, выронил копье, а на плечах его уже не было головы: кровь хлестала фонтаном, забрызгав и самого Нойроса.

Где-то в стороне раздался звон оружия. Второй нападавший дрался с могучей фигурой, появившейся неведь откуда. Схватка длилась недолго — сабля была выбита из руки человека, и противник разрубил его от плеча до сердца мощнейшим ударом сверху.

Еще несколько мгновений Нойрос не понимал, спасли его или обрекли на еще более страшную смерть. Однако в сумерках он разглядел, что на новом пришельце зеленый плащ Ревнителя, а значит, Нойрос спасен.

— Вставай, — услышал он знакомый низкий голос, и длинноволосый гигант протянул Нойросу руку, чтобы помочь подняться.

— Сфиро... — весь дрожа, произнес Нойрос, хватаясь за руку макхарийца, — Как... как ты здесь оказался? Ты же ушел...

— Решил вдруг вернуться и проследить за тобой. Предчувствие, знаешь ли... в моем народе многие обладают этим даром. Совет на будущее: не стоит в одиночку шляться по таким кварталах, если на тебе плащ Ревнителя.

— Ты спас мне жизнь! Как отблагодарить тебя?

— Не стоит. Благодарю удачу: я ведь мог оказаться здесь несколькими минутами позднее, и тогда тебе пришлось бы худо. А я лишь сделал то, что должен был.

— Я навсегда в долгу перед тобой.

— Ну, раз ты так считаешь... возможно, придет время, и у тебя появится возможность вернуть долг. Проклятье, да ты весь дрожишь! Идем в таверну. Нет ничего лучше, чем выпить после того, как минуту назад был на волосок от смерти.

— Пожалуй, что в твоих словах есть правда! Но, Сфиро... я весь в крови.

— Ну, ты же Ревнитель Покоя Чаши — это вполне нормально! — усмехнулся макхариец. — От крови нам никогда не отмыться. Впрочем, ушат с водой тебе, думаю, предложат. Идем со мной! Не вздумай перечить своему спасителю!

Нойрос подчинился — он был уже не в состоянии не то что спорить, но и просто шевелить языком. Он делал глубокие вдохи, стараясь поспевать за широкими шагами Сфиро, при этом твердо решив не оборачиваться на то место, где остались лежать изуродованные трупы людей, напавших на него.

«Хорошо, хоть я не упал в обморок от такого обилия крови. Надо же быть таким слюнтяем! Ну да ладно... Что ж, вот и случилось мое боевое крещение! Хорошо хоть Алекто не видела, что чужеземцу пришлось спасать меня!»

Нойрос бездумно шел за макхарицем — и вдруг обнаружил, что находится во внутреннем дворе какого-то невысокого здания.

— Я сейчас вернусь, — сказал Сфиро, — жди здесь.

Нойрос, еще не отошедший от пережитого ужаса, заподозрил, было, какой-то подвох, но через пару минут макхариец вернулся с ушатом воды и предоставил Нойросу возможность смыть с лица кровь.

— Эх, зря, так бы ты смотрелся более грозно! Впрочем, на плаще еще остались следы...

Они зашли в таверну с черного хода; как оказалось, ее хозяин был добрым знакомым Сфиро. Внутри было шумно: попойка шла полным ходом, и внезапное появление двух Ревнителей практически прошло незамеченным. Заказав бутылку кажаба, Сфиро пригласил Нойроса за стол, после чего они сели напротив друг друга, ожидая, когда принесут рюмки. Нойрос, предвкушая столь любимое для него занятие, как попойка, потихоньку стал приходить в себя и даже оживился — румянец заиграл на его обычно бледных щеках.

— Пристрастился я к этому вашему змеиному ликеру, — покачал головой Сфиро. — Отменная штука. У нас в Макхарии почти никто не пьет, в основном курят разные травы...

— Почему ты покинул свою родину? — неожиданно для самого себя спросил Нойрос.

— Я отвечу, — загадочно понизил голос макхариец, — если ты ответишь мне, зачем пошел в Ревнители.

В этот момент им принесли рюмки.

— Ну, для начала выпьем! — Сфиро разлил зеленоватую жидкость и провозгласил тост: — За то, что жизнь продолжается!

Нойрос осушил рюмку залпом, и, поморщившись, проговорил:

— Я не знал, что мне делать... Не знал, как устроить свою жизнь. Я ненавижу двор со всеми их интригами и прочей грязью. Я пошел в Ревнители... от отчаяния.

— Как я понимаю, орден твоих ожиданий не оправдал.

— У меня нет права на ожидания! Я обязан служить своей стране, своей вере...

— Ну, брось эти солдафонские суждения! Я же вижу, что ты парень не глупый, Нойрос...

Просто ты запутался. И, знаешь, у нас с тобой больше общего, чем тебе может показаться. Ты спросил меня, почему я покинул Макхарию? Что ж, слушай. Мой отец сражался против макхарийского короля на стороне Гуньяра Лэйхэджо, отца Кровавого Мангуста. Сражался и погиб. Когда мятеж был подавлен, нас с матерью пощадили... А теперь, когда Кихташ

поднялся снова, я думаю об этом, и понимаю, что мне все равно. Я утратил всякую связь со своей родиной... И даже образ матери почти стерся в моей памяти.

Они осушили еще по рюмке. Некоторое время оба молчали.

— Я хочу, чтобы ты понимал, из-за чего восстал Мангуст. Тут замешана религия. В Кихташе испокон веков существовал шаманизм — эти традиции были особенно сильны в моей родной провинции. Разумеется, когда нам навязали Аклонтон, нашлось много недовольных. Род Лэйхэджо вступился за древние верования кихташцев, и народ пошел за ними... Но у Кровавого Мангуста шансов на успех не больше, чем у его отца...

— У короля Альхаро сильная армия?

— Сильная. И огромная. Однако я не думаю, что старый пердун самолично покинет Кайофи. Наверняка отправит на подавление мятежа своего наследника, принца Шакифа. Они опрокинули еще по рюмке.

— Но ты так и не ответил, — произнес Нойрос, замечая, как перед глазами у него постепенно мутнеет, — почему ты бежал из своей страны?

— Бежал? — хмыкнул макхариец. — С чего ты взял, что я именно бежал?

— Ну... то есть, я хотел сказать...

— Да, я действительно бежал, — внезапно выпалил Сфиро, резким движением откидывая назад свои космы. — Дело в том, что в Макхарии я совершил преступление... преступление, за которое меня приговорили к смерти. Не спрашивай, что именно я совершил, и как мне удалось избежать казни.

— Я думал, от друзей нет секретов... — неуверенно проговорил Нойрос.

Взгляд, которым его одарил Сфиро, мог бы вселить сомнения по поводу того, что они являются друзьями, однако макхариец сдержанно произнес:

— Есть вещи, которые лучше скрыть даже от друзей. Дабы не отягощать их чрезмерно.

— Как знаешь... Расскажи хотя бы, как ты попал в Ревнители. И какие прелести ты находишь, служа в ордене?

— Давай-ка выпьем, Нойрос! И я расскажу тебе... Так вот... Попасть в Ревнители — дело плевое. Главное — уметь саблей махать, не сильно любить рассуждать, ну и не тяготиться совестью, там, и прочим вздором. Какие прелести? Помилуй! Платят жалование — и ладно! Пограбить да поубивать я не большой охотник, хоть и готов с любым в схватке сойтись... а вот выпить я люблю! У вас, сиппурийцев, знатное пойло! Этот кажаб у вас пьют и вельможи и простые трудяги — подумать только...

— Что скажешь о братьях-Ревнителях?

— Братьях? — Сфиро сплюнул. — Не смейся. Больших негодяев в жизни своей не встречал! Чего только стоит Алекто со своим дружкой... Кстати! — глаза собеседника Нойроса неприятно сощурились. — Я видел, как ты смотришь на нее! Берегись, друг, эта рыбка крупновата для тебя!

Нойрос лишь язвительно гоготнул, дабы показать, что не принимает слова макхарийца за нечто большее, чем пьяный фарс.

— Не унывай, дружище Нойрос! — макхариец уже находился в изрядном подпитии. — На свете столько баб — сдалось тебе это пугало! Сиппурийки — самые красивые женщины в мире, уж я в этом понимаю! Найдешь еще свою... Но что-то наши рюмки опустели, давай-ка подольем еще...

— Скажи, Сфиро, — проговорил Нойрос после очередного возлияния, — а что ты думаешь о Кайрене?

— Косоглазая сволочь! — беззлобно выпалил поддатый макхариец. — Но не хуже и не лучше остальных. Знатно ты отходил его в первый день! Он тебе это еще припомнит, не сомневайся! Просто он терпеть не может богачей и старается отыгрываться на таких как ты при первой же возможности. Быть может, что-то личное... Я пил с Кайреном, было дело: и могу тебе сказать, что душа у него темная! Разговорить его сложно...

— А что... что будет с тем мальчиком? Его имя Кшан.

— Кто? — затуманенный взгляд Сфиро был обращен куда-то в сторону. — С каким еще...

А-а-а, ты про того юнца! Не бери в голову. Посидит у нас недельку, подумает над

поведением, и его отпустят...

Нойрос хотел спросить что-то еще, но язык уже едва слушался его. Давненько ему не доводилось так знатно надраться! Какое-то время они со Сфиро еще вели беседу, но в памяти у Нойроса не отложилось почти ничего. Наконец, макхариец понял, что тащить на своем горбу напарника ему будет не с руки, и по обоюдному согласию они покинули таверну.

Так или иначе, Нойрос все же добрался домой, по пути поблевав пару раз на обочине. Необъяснимым образом избежав встречи с кем-либо из домочадцев, он пробрался в свою комнату, второпях разделся, плюхнулся на кровать и моментально отключился. Пробуждение, как всегда и бывает в таких случаях, было не из приятных. Голова у Нойроса трещала, и его мучила жажда. Мучительные попытки припомнить, не взболтнул ли он вчера лишнего ушлому макхарийцу, успехом не увенчались.

Час был ранний — в доме еще все спали. Кое-как облачившись в доспехи и заляпанный кровью плащ, Нойрос спустился в гостиную и до половины опустошил стоявший на столе кувшин с водой. Выйдя на улицу, Нойрос начал жадно глотать свежий утренний воздух, однако чувствовал он себя по-прежнему дурно: его мутило, и ощущалась легкая тошнота. «Проклятый макхариец, — угрюмо думал Нойрос, бредя

в сторону штаба Ревнителей. — А ведь я до последнего не хотел пить с ним... Однако если бы не он, сегодня бы меня нашли мертвым в одном из акфоттских переулков. М-да. Отцу эту историю лучше не рассказывать».

Когда Нойрос находился менее чем в одной миле от площади Хаббархат, его невеселые думы были прерваны цокотом конских копыт, который звучал необычно громко посреди тишины еще не проснувшегося города.

Всадник на вороном коне стремительно приближался к нему. Нойрос замер, однако тут же поймал себя на мысли, что опасность сейчас его не страшит. Всадник тем временем замедлил ход, и теперь уже стало понятно, что встреча неизбежна.

Каково же было изумление Нойроса, когда он увидел, что всадник — не кто-нибудь, а его родная сестра.

Вид у Десмы был изможденный, но она держалась в седле, как всегда, уверенно и грациозно. Нойрос поймал знакомый презрительный взгляд.

— Ты... вернулась, — все, что смог выдавить из себя Нойрос.

— Вернулась. Жива и невредима, братец. Не надейся так легко от меня отделаться. А вот ты выглядишь неважно. Похоже, ты неважно исполняешь свои обязанности по службе.

Алекто будет тобой недоволен.

«Откуда она знает?»

Сестра ухмыльнулась — похоже, мысли Нойроса читались у него на лице.

— Я только что из штаба Ревнителей, — сказала Десма. — У меня было срочное распоряжение для Алекто от лорда Бракмоса. В Тешае и Хирсале вспыхнули волнения. Акфоттские Ревнителы будут посланы для того, чтобы подавить их.

главное, в пользу чего совершится выбор – это еще огромный вопрос...»

Старый зонт едва спасал от ливня, и когда замученная Кира все же добралась до канцелярии, она вздохнула с облегчением.

«И все же мне очень не хочется оставлять мою настоящую службу, — размышляла она, погружаясь в свои бумаги. — Здесь все так привычно, спокойно и размеренно. Но, конечно, если доко Дзар всерьез решит сделать меня своей спутницей, то я не смогу остаться прежней, беззаботной Кирой — меня ожидают серьезные перемены, можно даже сказать, новая жизнь...»

Незадолго до обеденного перерыва генерал Варкассий позвал ее к себе в кабинет для разговора. На вид старик был спокоен, и Кира не ожидала, что он намерен сообщить ей нечто существенное.

— Прошу, Кира, садись, — с важностью произнес генерал, указывая ей на кресло. — У меня будет для тебя довольно важное поручение.

— Да, ваше превосходительство.

— Дело в том, что я буду вынужден отлучиться на некоторое время. Меня срочно вызывают в крепость Райек. На время моего отсутствия командование штабом примешь на себя ты.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Могу ли я спросить?

— Да, разумеется.

— Сколько времени вы будете отсутствовать?

— Хм, не могу сказать точно... — пожилой генерал задумался. — Быть может, две недели или около того. Месяц — это крайний срок. Не переживай, Кира, — я уверен, что ты справишься. Ты ведь прекрасно ведешь мои дела, не так ли?

— Да... ваше превосходительство, — несколько неуверенно ответила Кира, — разумеется.

— Вот и славно, — Варкассий по-отечески улыбнулся своей подчиненной. — Я выезжаю через два дня. Приказ о передаче полномочий будет издан, и я оповещу всех.

— Да, ваше превосходительство. Я вас не подведу.

— Не сомневаюсь в тебе! Ну, ступай.

Кира покидала генеральский кабинет с тяжелым сердцем. Сев за свое место и сделав глубокий вдох, она попыталась привести свои мысли в порядок.

«Так. Генерал Варкассий покидает город Геакрон. Ну, и чьих ушей достойна эта информация? Кофага? Дзара? Обоих сразу? Не торопись. Рассуждай хладнокровно... Кофаг, конечно же, Кофаг узнает об этом первый. Осталось два дня».

Агент Кофага, как это часто бывало, поджидал ее неподалеку от дома. Кира, немного волнуясь, пересказала ему без утайки свой сегодняшний разговор с генералом.

— Вскоре вам сообщат дальнейшие инструкции, — отрывисто произнес закутанный в плащ человек, после чего скрылся.

Подойдя к двери своего дома, Кира увидела уже привычную записку: Тиам Дзар опять приглашал ее к себе во дворец.

Геакронский правитель успел понять, что Кире чужды пиры и увеселения, поэтому, когда карета забирала ее на площади и отвозила во дворец, девушка отправлялась напрямик в покои Дзара — стража знала ее и не чинила препятствий.

В этот раз Дзар взял ее особенно страстно.

Кира пришла к выводу, что быть любовницей главы государства не так уж плохо. Однако, как бы ни скромна она была, Кира все же полагала, что она достойна большего.

Вместе с доко Дзаром (хотя наедине она звала его Тиам) Кире казалось, что для нее не существует угроз в этом мире. В эти радостные минуты, когда их расслабленные тела отдыхали после совокупления, Кира думала:

«Быть может, плюнуть на все и рассказать про Кофага и его угрозы? Ведь доко Дзар и никто иной — самый могущественный человек в стране. Одно его слово — и Темный Палач отправится на эшафот...

Дурочка! У тебя ничего нет против Кофага. Ты будешь выглядеть клеветницей в глазах всех... и тогда тебе придется несладко».

«Я намного опаснее, чем Дзар», — эти слова не шли у Киры из головы.

— Тиам, — промолвила она, нежась на огромной мягкой кровати.

— Да, милая? — полусонно произнес геакронский правитель.

— Тиам, мне бы... хотелось знать, что я значу для тебя? И какое... хм... продолжение будут иметь наши отношения?

— Эх, милая, — Дзар мягко улыбнулся и поцеловал ее в щеку, — понимаю тебя, понимаю... Не хочешь, взлетев так высоко, вдруг оказаться на обочине. На свадьбу пока точно не рассчитывай. Придется подождать...

— Почему? — спросила Кира, дивясь собственной дерзости.

— У меня на носу война с Сиппуром, — слегка раздраженно ответил Дзар. — Как мой народ воспримет мою женитьбу накануне всеобщей беды? «Кощунство», — вот что скажут люди.

— Так все же... войне быть? — вздохнула Кира.

— Эти южные псы хотят силой навязать карифиянам свою религию. А Геакрон — это первое, что стоит у них на пути.

— Быть может нам... объединиться с карифиянами?

— Объединиться с теми, кто держал под своей пятой наших предков? — воскликнул Дзар.
— С теми, кто зовет меня диктатором и узурпатором? Ты это предлагаешь?

Однако именно в этом чистом и благообразном городе Ниллону вновь напомнил о себе неприятный кашель. Всерьез озаботившись здоровьем своего молодого товарища, профессор настоял на посещении врача. Возражения на этот раз не помогли Ниллону.

— Да будет тебе известно, мой юный друг, — с настойчивостью заявил Райджес Хиден, — что мы сейчас находимся в городе лекарей: Деоптис всегда славился своей сильной медициной. Для тебя будет преступлением не обследоваться: тем более, что я слышу этот жуткий кашель уже не впервые. Я хочу, чтобы ты сегодня же днем посетил одного моего знакомого врача по имени Гивис Манай — я напишу тебе на листке его адрес.

Вместе с листком профессор вручил Ниллону небольшой кошелек с золотыми монетами, который тот принял с большой неловкостью и даже пытался возражать. Однако Хиден ничего не хотел слышать, заявив, что со здоровьем шутить не следует, тем более что теперь и без этого проблем хватает.

Дом врачевателя находился в десяти минутах ходьбы от постоянного двора, на котором остановились Ниллон, Гелла и профессор.

Дверь открыл полный круглолицый мужчина с густой черной бородой. Выслушав объяснения о том, как и от кого Ниллон узнал о нем, Гивис Манай (а это был именно он) впустил молодого человека внутрь.

Усадив посетителя на просторном сером диване в гостиной, лекарь уселся в широкое кресло рядом с диковиной пальмой в огромном горшке и закинув ногу на ногу, с серьезным и внимательным видом приготовился выслушивать суть обращения.

Ниллон подробно описал, когда и как часто его настигали приступы кашля, попутно отвечая на множество уточняющих вопросов.

— Скажите, Ниллон, вы... не соприкасались с морской водой за какое-то время до того, как заметили у себя этот кашель? — напряженно поинтересовался Манай.

— Ну-у... я, — Ниллон мучительно напряг память, — вообще-то... да, был один случай не так давно. Я купался в море и... немного наглотался морской воды.

Врач тяжело выдохнул, помрачнев еще больше.

— Прошу вас... Пройдемте со мной.

Манай провел Ниллона в свой кабинет — просторное аккуратно обставленное помещение со множеством полок с самыми разными склянками и колбами и пухлыми справочниками и трактатами. Врач нацепил повязку на лицо, а затем (предварительно налив стакан воды) достал из стола какую-то небольшую капсулу черного цвета и протянул ее Ниллону.

— Это поможет выяснить, в чем причина кашля, — пояснил Манай, — Выпейте.

Ниллон повиновался и уже менее чем через минуту он почувствовал, как кашель сотрясает его горло.

— Пожалуйста, сюда, — попросил доктор, подавая заблаговременно подготовленную склянку.

Ниллон откашлялся в нее, оставив на стенках некоторое количество жидкости, и вскоре его приступ прекратился.

— Теперь мне нужно изучить вашу мокроту, — сказал Манай, забирая склянку и удаляясь в соседнее помещение. — Ожидайте здесь.

Ниллону пришлось провести несколько по-настоящему волнительных минут. «Нет, нет, это не может быть что-то серьезное, — пытался успокоить он себя, — В моем-то возрасте —

проблемы со здоровьем... нет, такого быть не должно...»

И вот, наконец, Гивис Манай вернулся... и лицо его выражало полнейшее смятение.

— Я исследовал вашу мокроту, — объявил врач дрожащим голосом, — и... обнаружил в ней частицы яда гаскумбайской медузы. Эти твари редко заплывают в наши воды, но... похоже, вам сильно не повезло, мой дорогой.

— Ч-то это значит? — упавшим голосом проронил Ниллон.

— Гаскумбайская медуза — возбудитель водяной чахотки, — пояснил Манай. — И ваши симптомы говорят о том, что именно этот недуг вы и подхватили...

Голова у Ниллона пошла кругом.

— Это... смертельно? — выдавил он через силу.

— Мне неизвестно ни одного случая исцеления, — сдавленно проговорил Манай, тяжело опершись на стол.

Ниллон оцепенел. Голова его загудела, сердце в одно мгновение словно превратилось в огромный свинцовый сгусток.

— Я... я не понимаю... как... как это...

— Я могу вам лишь предложить приобрести у меня редкие бирюзовые сиппурийские бобы — если будете принимать их раз в неделю, сможете продлить себе жизнь на несколько месяцев... может быть, на год.

Как в каком-то тумане Ниллон достал золотые монеты, оплатил предложенные ему бобы, и, пробормотав что-то невнятное на прощание, отправился обратно к Гелле и профессору. «Нет. Я не стану им говорить», — сказал себе Ниллон, попытавшись изо всех сил принять более-менее естественный вид.

Впрочем, профессор не стал его сильно допрашивать, удовлетворившись сообщением о том, что Ниллон купил-таки необходимое лекарство. Райджес Хиден был уже вовсю занят подготовкой к отбытию с постоялого двора. А вот Гелла нахмурилась и тревожно покосилась на Ниллона, точно почувствовав неладное.

Через пару часов Ниллон, Гелла и профессор Хиден прибыли на городской пирс. Куда лежал их путь дальше, можно было только гадать, поэтому Ниллон твердо решил, что теперь-то он непременно выведет профессора на чистую воду.

— Куда мы направляемся? — осведомился он решительным тоном.

Райджес Хиден будто не слышал его, глядя на группу лодочников неподалеку.

— Я жду ответа, сэр, — Ниллон негрубо схватил старика за рукав.

— На остров Скорби, — ответил профессор Хиден, никак не реагируя на встревоженность молодого человека. — Там мы будем в безопасности.

— На остров Скорби? Я всегда считал его необитаемым.

— Наши враги тоже так считают — и это нам на руку.

— Но где мы будем жить там? — внезапно вмешалась Гелла.

— Ну, у меня имеется там особняк... Правда, я не был на острове уже лет сорок. Должно быть, все пришло в упадок.

Профессор направился к лодочникам, чтобы обсудить цену за перевозку. Ниллон с Геллой стояли поодаль, поэтому не слышали разговора, хотя можно было представить, как отреагируют лодочники просьбе переправить троих людей на необитаемый остров.

Однако Райджес Хиден вновь удивил Ниллона: вернувшись, он заявил, что не стал платить за переправку на остров, а просто купил лодку. Профессор объяснил это соображениями секретности: ни один человек в Деоптисе не должен знать о том, что они плывут на остров Скорби.

Затем Ниллон, Гелла и профессор, забрав пожитки с постоялого двора, отправились на пирс. Погрузив все, что у них было, в лодку, они забрались в нее сами и оттолкнулись от берега веслом.

Город постепенно удалялся, а лодка, покачиваясь на волнах, неспешно рассекала водный простор Пряного моря. На веслах сидел профессор Хиден — несмотря на уговоры своих более молодых спутников, он отказался от их помощи, уверяя, что гребля полезна для его рук.

Ниллон давно не бывал в море, хотя раньше, будучи помладше, он любил бывать с родителями на прогулочных судах, которые частенько заходили в Прант. Иные испытывали страх, будучи окруженными со всех сторон водой, однако Ниллону нравилась морская стихия, и он неплохо умел плавать. И тут ему сделалось невероятно горько, когда он вспоминал о том, какую страшную шутку водная стихия сыграла с ним. Дул несильный восточный ветер, водная гладь искрилась в косых лучах вечернего солнца.

— И все проклятый кампуюец... — чуть слышно пробормотал профессор.

— Что? — переспросил Ниллон.

— Кампуйский солдат... Если бы я подстрелил его, то Гелле не нужно было бы кидаться в бега... Думаю, кроме него ее никто не запомнил.

— Да хватит вам убиваться из-за этого, сэр! Вы ведь все равно не успели бы перезарядить эту вашу, как ее... аркебузу. Кстати, вы взяли ее с собой?

— Нет, не стал. Слишком громоздкая.

— Кстати, забываю спросить, а откуда она у вас?

— Ну... — замялся Хиден, — приобрел у одного торговца редкостями.

— Сэр, я не хочу показаться занудой, но... разве законно иметь такую вещь? Это ли не прямое нарушение Заповедного Пакта?

— Послушай, Нил, — профессор многозначительно прочистил горло, — мы сейчас не в том положении, чтобы изображать законопослушных граждан.

«И находимся мы в таком положении по вашей милости», — про себя подумал Ниллон. Заповедный Пакт был принят в 11 году после П.Э.: инициатором выступил молодой Кариф, основанный беженцами с Эйраконтиса. Согласно Пакту все государства-участники обязывались принимать все возможные меры для недопущения развития техники и любых естественных наук. Карифяне рассматривали гибель Эйраконтиса именно как кару за хищническое истязание природы, которое осуществлялось с помощью хитроумных машин олигархов. Все образцы технической мысли Эйраконтиса, уцелевшие после гибели этой державы, также были уничтожены. Ну, или почти все.

— Знаете, — начал профессор Хиден, загадочно улыбаясь, — лет двадцать назад я сидел в библиотеке в Гируллаке, и под руку мне попала прелюбопытная книжка. Она называлась «Эйраконтис: Исход и расселение», кажется, так. Автор неизвестен. Так вот: в ней упоминалось о группе судов островитян, причаливших в районе современного северного Геакрона. Автор сообщает о множестве различных устройств, которые эйраконтийцы привезли с собой.

Я изучал другие манускрипты ранних карифян. Во множестве из них упоминается, что в Эйраконтисе существовала партия возрождения Кюльта Природы, требовавшая отказа от вырубки лесов и загрязнения моря, которое неизбежно происходило при выкачивании топлива. Олигархи и их приспешники смеялись над «природниками», но когда Эйраконтис пал, выжившие убедились в их правоте.

Так вот. Беженцы, высадившиеся в названном мною месте, приняли решение бросить свои машины где-то недалеко от побережья. Они понимали, что механизмы могут пригодиться им в новом, необжитом краю, но боясь, что проклятие Эйраконтиса последует за ними, решили немедленно от них избавиться.

У меня есть сомнения в правдивости этой истории, изложение мыслей автора показалось мне каким-то... беглым. Впрочем, возможно, сам он являлся рядовым участником этих событий, и не обладал красотой литературного слога.

Но как бы там ни было, я размышляю вот о чем. Ох, несдобровать нам всем, если Тиам Дзар каким-то образом откопает эти артефакты...

— Уж лучше Дзар, чем аклонтисты, — мрачно заметил Ниллон.

— Час от часу не легче.

Лодка неспешно продолжала свой путь; профессор Хиден решительно отвергал все попытки Ниллона и Геллы подменить его на веслах, притом он действительно совсем не выглядел усталым.

Полоска берега материка все больше истончалась, а остров Скорби, напротив,

приближался и приближался.

— Вы долго здесь жили, профессор? — спросил вдруг Ниллон после продолжительного молчания. — Должно быть, славное место. Уединенное...

— Да, долго, — нахмурившись, ответил Хиден. — Мы жили здесь с женой... Знаете, для меня название этого острова в каком-то смысле говорящее. Столько воспоминаний связано с ним! Не верится, что так быстро могло пролететь время...

После этого все трое погрузились в задумчивое молчание. День постепенно угасал; Ниллон наслаждался картиной того, как переливается морская гладь в лучах заката.

Прошел еще час, и вот, перед ними, уже менее чем в одной миле, зажелтел обширный песчаный пляж острова. Издали казалось, что остров покрыт в основном лесом, хотя вдалеке виднелись довольно живописные скалы.

Лодка плавно врезалась в мягкий песок пляжа, после чего Ниллон, Гелла и профессор Хиден выбрались из нее, и общими усилиями вытащили ее на берег. После того, как разобрали все вещи, профессор попросил следовать за ним.

Лес начинался уже через полсотни футов от берега. Он состоял полностью из невысоких лиственных деревьев и кустарников. Здесь было свежо и приятно, хотя довольно мрачно, особенно в вечерний час. Профессор Хиден шел уверенно, забирая немного на северо-восток. Всего через несколько минут ходьбы лес поредел, и путники оказались перед невысоким холмом, на котором стоял мрачный, заброшенный дом.

Каменные стены дома поросли мхом и лишайником, окна безжизненно чернели, входная дверь перекосилась и подгнила. По впечатлению Ниллона, это было поистине удручающее зрелище. Трудно было представить, что когда-то здесь проистекала счастливая и полная душевной теплоты семейная жизнь.

Подойдя к двери, профессор Хиден вздохнул и невесело рассмеялся:

— Похоже, я забыл ключ. Придется подналечь...

Он толкнул дверь боком — однако, она оказалась не заперта и без труда распахнулась.

— Сколько лет прошло! — с усилием проговорил профессор. — Оказывается, тогда я даже не запер дом. Да и зачем бы? Давайте зажжем свечи, а то, пожалуй, навернемся здесь! Нужно обследовать дом и узнать, какие комнаты еще пригодны для жилья.

Профессор Хиден достал огниво и зажег в гостиной несколько свечей, после чего в помещении стало заметно светлее. Ниллон с Геллой шмыгнули в просторную комнату на первом этаже: здесь было грязно, полно каких-то ящиков, бочек и обвалившихся с потолка досок.

В другой комнате было более уютно. Повсюду была пыль, но, по крайней мере, имелись кушетка и кровать.

— Ты не возражаешь, если мы останемся в одной комнате? — спросил Геллу Ниллон.

— Вовсе нет, — просто ответила девушка. — Да только здесь бы прибраться... Ах, вот и метелка с совком! Сейчас немного разгоню эту пыль.

Ниллон был слегка удивлен:

— Ого! А я-то думал, что дочь карифского политика сочтет подметание полов ниже своего достоинства.

— Я не из семьи аристократов, — объяснила Гелла. — Мой дед добился богатства своим трудом. Отцу тоже никто не занимал места в Совете. И я росла как самый обычный ребенок: никаких слуг и частных учителей. Но у меня было счастливое детство... И с братьями мне повезло.

— У тебя есть братья?

— Да, два нежно любимых старших брата, Гуго и Виберт.

— Славно. А я вот не знаю, каково это — иметь брата или сестру.

Ниллон и Гелла разговорились: до этого момента их стесняло присутствие других людей. Они рассказывали друг другу о своем детстве, своей семье, своих привычках, увлечениях. Именно теперь, осознав себя в сущности обреченным человеком, Ниллон испытал особенное удовольствие от такого простого человеческого общения.

Ниллон узнал, что отец Геллы, Гранис Брастолл, пожалуй, самый влиятельный член карифского Правящего Совета, его мнение имеет огромный вес при принятии государственных решений. Он консервативен, однако рассудителен. Старший из братьев Геллы, Виберт Брастолл — ротмистр карифской армии, характером в общем походит на отца, однако порою резок и вспыльчив. Второй брат, Гуго, — живописец, человек кроткого нрава, хозяин чудесного сокола по имени Моэлис.

Сокол этот, по словам Геллы, попал к Гуго случайно — и явился настоящим сокровищем для семьи Брастоллов. Дело в том, что Гуго владеет способностью телепатически общаться с соколом, впрочем, мало кто, кроме членов их семьи Брастоллов сумел самолично удостовериться в этом.

Мать Геллы умерла, производя свою дочь на свет, а Гранис Брастолл, храня верность супруге после ее смерти, остался вдовцом и по сей день.

Сама Гелла была с детства активным, любознательным ребенком. Она рассказала, что любит петь, играть на арфе, танцевать, рисовать, и даже немного фехтует. А еще она страстная любительница путешествовать в одиночку, что вызывает неудовольствие у ее родных.

Как это часто бывает, за разговором Ниллон и Гелла потеряли чувство времени.

— Что-то не слышно профессора, — заметил Ниллон. — Кажется, он отправился на второй этаж.

— Быть может, задремал, — пожала плечами Гелла.

— В любом случае, пойдем-ка проведем его.

Они отправились на темную деревянную лестницу в другом конце гостиной.

— Аккуратнее, Гелла, — предупредил Ниллон, — смотри, куда ставишь ногу. Некоторые ступени весьма шатки.

На втором этаже находился длинный коридор. Солнце уже село, и здесь было еще темнее, чем на лестнице. Где-то вдалеке виднелись прогалы в крыше, на полу валялся какой-то мелкий мусор.

— Профессор! — позвал Ниллон. Ответа не последовало. — Профессор! Вы где?

Ниллон заволновался.

В другом конце коридора дверь была приоткрыта, и молодые люди широкими, осторожными шагами, стараясь ни обо что не споткнуться, направились туда.

Это была небольшая жилая комната с балконом. Здесь все было обставлено скромно, но достаточно красиво. Большая кровать с пологом покрылась толстым слоем пыли. В углу помещалось большое кожаное кресло. На прикроватной тумбочке стоял узорчатый канделябр, а рядом с ним был прямоугольный след, не тронутый пылью — как будто только что здесь находился какой-то предмет, но его убрали.

Профессора нигде не было видно. Но тут Ниллон присмотрелся, и вдруг увидел на балконе знакомую фигуру в синем сюртуке.

— Профессор, сэр, с вами все в порядке?

Молчание.

Ниллон взошел на балкон и увидел, что профессор Хиден держит в руке застекленный портрет, на котором изображена красивая женщина с узким разрезом глаз. На лице пожилого человека изображалась крайняя скорбь и страдание: изогнутые губы, нахмуренные брови. Он не отрываясь смотрел на портрет, и появление Ниллона не вызвало у профессора никакой реакции.

— Сэр, — несмело начал Ниллон, — быть может, нам не стоило...

— Это последняя память о ней, — произнес Райджес Хиден надтреснутым голосом. —

Портрет нарисовал макхариийский уличный художник в Гаскумбае — как же давно это было... Я не мог оставаться здесь после того, как ее не стало. Хотел сжечь этот дом... Не смог. Просто бежал прочь...

Ниллон выдержал паузу, после чего вновь решился заговорить:

— Корхейские женщины славятся своей красотой. Думаю, тот художник был не льстец. Как звали вашу жену? Что с ней стало?

Ниллон боялся, что этот вопрос может ранить профессора, но тот с каким-то отстраненным видом отложил портрет на подоконник, обратил свой взор на лес внизу и проговорил уже более ровным тоном:

— Лийя. Ее звали Лийя. И она – самое прекрасное, что случилось со мной в моей жизни. С ней я чувствовал себя в полной мере... человеком. Ты спрашиваешь, что стало с ней? Знаешь, Нил, я просто пережил ее. Лийю сразила не болезнь, но возраст. Так бывает... Тут профессор Хиден облокотился на перила балкона, издал что-то среднее между болезненным смехом и кряхтением и чуть слышно, но как-то зловеще произнес:

— Проклятый недуг, или что это... не старею.

И хотя Ниллон совершенно не понял в тот момент смысла этих слов, однако бессвязный поток пугающих догадок уже тогда родился в его голове.

— Простите, сэр, — Ниллон постарался сохранить обыденность тона, — вы никогда мне не рассказывали о своей жизни, о своем детстве... Должно быть, вы прожили долгую жизнь...

— Даже слишком долгую, — пугающе холодно произнес профессор, все еще не глядя на Ниллона.

Гелла все это время молча наблюдала за их разговором, стоя в дверях балкона.

— А где вы родились? — спросил Ниллон — И... и сколько вам лет?

С непроницаемым выражением лица профессор Хиден обернулся к Ниллону и без доли колебания произнес:

— Можешь счесть меня безумным, но я не могу дать ответа ни на один из этих вопросов.

Ниллон раскрыл рот, не в силах проронить ни звука.

— Нет, не думай, — продолжил профессор Хиден, — у меня никогда не было потери памяти или чего-то в подобном роде. Да и за то время, что ты знаешь меня, я не давал повода усомниться в здравости моего рассудка.

Мое детство? Нет, я не помню ни отца, ни мать, ничего вообще... Будто бы я родился уже взрослым. Я был тогда молод, Нил, молод и полон сил. А что самое поразительное — эти силы совершенно не оставляли меня с годами. Я даже не помню, чтобы болел хоть раз. Все мои друзья состарились и умерли, а мне хоть бы что! Моя жена умерла, прожив со мной в браке пятьдесят лет, а я, многолетний старик, не чувствовал даже легкой одышки при беге! Как объяснить это, Ниллон? Я объездил весь мир. Я положил жизнь на то, чтобы узнать разгадку, но не приблизился к ней ни на дюйм. И это притом, что треклятая жизнь и не думает заканчиваться!

Профессор сделал небольшую паузу и продолжил:

— Знаешь, я до сих пор часто в муках напрягаю память... и вижу волны. Море — притягательное и таинственное. Знаешь, меня выбросило на берег — то был берег Сиппура... и потом началась моя жизнь — та, которую я помню.

— Но разве это не объясняет хоть что-то? — спросил Ниллон. — Должно быть, вы были моряком, и ваше судно потерпело крушение.

— Вот только как объяснить то, что я прожил сто тридцать лет? — профессор неприятно осклабился. — И это только в той жизни, которую я помню. Да-да, Ниллон, сто тридцать лет — число непростое: оно кое-что, да значит. Именно столько лет назад был уничтожен Карагал. Все это можно было бы счесть каким-то чудовищным совпадением, если бы не те непередаваемые образы, что являются мне во снах. Я вижу темные катакомбы, просторные белые залы, высокие заснеженные горы. Это Карагал, я знаю. Еще я вижу надвигающуюся тьму... огромную волну, от которой дрожь пробегает по всему телу... И та волна весьма необычной природы: она не могла возникнуть иначе, как под воздействием очень могущественной и грозной воли. Я чувствую присутствие неких сущностей — незримых, но наделенных волей и разумом. Непросто признавать, но это очень похоже на то, как аклонтисты описывают своих божков.

Ниллону вспомнились слова Гултара Локобона на конференции: «Аклонты — не вымысел, не надуманные идола, не порождение чьей-то демагогической философии. Они реальны, также как и мы с вами».

— Меня неодолимо влечет к островам, где некогда лежал Карагал, но всю жизнь меня

что-то сдерживало от путешествия туда. Но теперь... Теперь я решился.

Теперь Ниллон почти с ужасом взирал на профессора. В свете луны, с пепельным оттенком кожи и серыми глазами, которые сейчас могли показаться пустыми, Райджес Хиден походил на какой-то жуткий призрак — облик его не выражал ничего положительного. — Как мало я о вас знал, сэр... — упавшим голосом проговорил Ниллон. — Что вы такое, профессор?

— Это я и намерен выяснить, — отвечал Хиден. — Я отправлюсь на карагальский архипелаг, чтобы разгадать тайну Аклонтов, а заодно и тайну собственной жизни. В этой войне нам не победить, используя силу простого оружия.

— Вы хотите, чтобы я отправился вместе с вами? — неожиданно для самого себя спросил Ниллон.

— Нет! — отрезал профессор. — Это исключено. Это тяжелое испытание я должен перенести в одиночку.

— Карагал... — в задумчивости протянул Ниллон, как будто пробуя это слово на вкус. — Империя колдунов и безумцев.

— Колдуны — пожалуй, неверное слово, — поправил профессор. — Лично я не верю в волшебство. Карагальцы владели концентрированной силой разума, псионикой. Сиппурийцы, разумеется, не знают этого (а если кто и знает — не разглашает).

— Я очень хочу отправиться вместе с вами! — в сердцах воскликнул Ниллон.

— Нет, Нил! Даже не проси — это слишком рискованно!

— Но это может быть мой последний шанс! — закричал Ниллон с дрожью в голосе. — Я ведь все равно умру!

Гелла и профессор остолбенели.

— Да, это так! — выпалил Ниллон. — Ваш врач сказал мне, что у меня водяная чахотка... так что жить мне осталось недолго. Но если там, в вашем Карагале, остались до сих пор какие-то колдуны, и есть хоть малейший шанс, что они излечат меня или произойдет еще какое-то чудо — то я согласен! Терять мне все равно нечего...

И Ниллон закашлялся громко и продолжительно.

— Я не стану лгать тебе, Нил, — заявил профессор после тягостной паузы, — путешествие будет не из легких, и безопасность тебе никто не гарантирует. Но если положение твое и впрямь настолько отчаянное, то... я готов! Готов попытаться помочь тебе. Однако сразу скажу, что ничего не обещаю — не люблю давать пустые надежды. Впрочем, не думай, что ты будешь лишь праздным попутчиком: я обнаружил некие псионные способности и в тебе.

— Во мне? — изумился Ниллон.

— Ну да. Вспомни тот случай на маяке: тогда я не сказал тебе всей правды. Ты выжил как раз из-за того, что в критический момент псионная энергия высвободилась и создала вокруг тебя подобие поля, смягчив тем самым падение. Твой разум воспротивился самой мысли о смерти, Ниллон, это и спасло тебя. Думаю, что он снова может тебя спасти и найти средство от недуга.

Мысли лихорадочно закружились в голове у Ниллона:

«Почему-то уверен, что будь здесь отец, он положил бы мне руку на плечо и сказал: «Иди за этим человеком, сынок, и не бойся — он из тех, кому можно верить». Я и сам понимаю, что нужно как-то решительно менять свою жизнь».

— Тогда я тоже отправлюсь с вами! — впервые подала голос карифянка, все это время стоявшая у двери балкона.

— Нет! — в один голос воскликнули Ниллон и профессор Хиден.

— Гелла, девочка, — с неожиданной мольбой в голосе произнес профессор, — послушай меня! Я верю, что ты привязалась к Ниллону, и даже верю, что между вами что-то назревает, но теперь вам просто необходимо расстаться. Ты должна отправиться в Дакнисс, чтобы убедить своего отца заключить союз с Геакроном.

— Что!? — воскликнула Гелла. — Стануться с Дзаром, с этим чудовищем? Отец никогда не пойдет на это.

— Ты сможешь убедить его, я верю. Гелла, я был груб с тобой в Пранте, я могу не нравиться тебе, но сейчас я прошу сделать это не ради себя. Сделай это ради своей родины, Карифа. Ты была на Диргенской конференции, ты была свидетельницей вероломной жестокости аклонтистов, и кому как не тебе, дочери Граниса Бростолла, убедить своего отца в необходимости единения эйрийских народов перед лицом общего врага. Сейчас многое зависит от тебя. Решайся!

— Я... я согласна, — упавшим голосом проговорила девушка после минутного молчания. Ниллон бросился к ней на шею, и около минуты они не выпускали друг друга из крепких объятий. После Ниллон как-то растерянно проговорил:

— Надеюсь, сэр, все это будет не зря... А пока объясните мне, как вы намерены преодолеть то огромное расстояние, отделяющее нас от Карагала, и каким образом мы преодолеем препятствия, которые, вне всякого сомнения, будут чинить нам аклонтисты?

— Неподалеку здесь есть укромный грот, в котором до сих пор стоит яхта, которую мы с женой использовали для прогулок. Впрочем, это довольно крепкое и быстроходное судно, оно нам подойдет. Надеюсь, годы не сильно повредили его.

Мы все отправимся в путь завтра, нельзя терять ни дня: особенно это касается тебя, Гелла. Мы не знаем, что сейчас предпринимает Йорак Бракмос; быть может, он только собирает армию, быть может, сиппурийцы сейчас заняли Виккар, а может, крепость Райек уже в осаде — этого мы не знаем. Надо действовать без промедления.

Ниллон чувствовал, что покидает балкон уже несколько другим человеком. Несмотря на обреченность, он ощущал нависшее теперь над ним бремя ответственности.

Ответственности за то решение, которое он принял, и его последствия.

Страха Ниллон не испытывал: та острая необходимость жить осмысленной жизнью, наконец нашла способ осуществиться — профессор предоставил его.

Они с Геллой в молчании спустились вниз, в выбранную ими комнату.

— Так странно все перевернулось в один момент... — тихо проговорил, наконец, Ниллон. — Но профессор прав: каждый из нас должен выполнить свою миссию.

— Ниллон, как же так? — воскликнула Гелла, и Ниллон увидел, что слезы стоят в ее глазах. — Ты не можешь умереть...

— Это мне наказание... за то, что не ценил жизнь. За то, что проводил ее в праздности...

— Не говори так! — Гелла закрыла лицо рукой.

Некоторое время оба молчали.

— Как ты думаешь, профессор в порядке? — вдруг спросила Гелла.

— Думаю, что вполне, — ответил Ниллон, не чувствуя, тем не менее, полной уверенности в своих словах. — И я ему верю: это достойнейший человек из тех, с кем мне доводилось общаться.

— Он назвал моего отца убийцей.

— Профессор не хотел оскорбить тебя таким образом. Он лишь имел в виду, что политик принужден совершать необходимое зло во благо своего народа...

Ниллон и Гелла еще долго разговаривали, спорили, смеялись, даже не думая о том, чтобы лечь спать. Они поняли, что по-настоящему интересны и даже близки друг другу. Им хотелось быть вместе постоянно, чтобы никакие невзгоды не разлучили их.

— В этом что-то есть, согласись, — взволнованно произнесла Гелла, глядя Ниллону прямо в глаза, — знать, что это последние часы перед долгой разлукой, наслаждаться каждой минутой, ощущая безвозвратность момента. Будто стоишь на краю пропасти...

— Я не хочу расставаться с тобой Гелла! — в сердцах воскликнул Ниллон. — Очень не хочу! Но это лучше, чем если бы ты смотрела на то, как я погибаю...

— Ох... как же это тяжело! Не думала, что все обернется так... Но, ты знаешь, у меня есть одно предчувствие. Можешь считать меня наивной дурушкой, но я уверена, что мы еще встретимся. Обязательно встретимся!

Ниллон лишь невесело усмехнулся.

— Ладно, прости, Гелла, я совершенно разбит и... хотел бы наконец отдохнуть. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Ниллон!

Утро возвестило своим приходом начало новой эпохи: эпохи борьбы, опасностей и самоотверженного мужества.

Профессор Хиден разбудил их примерно за два часа до полудня (по нему самому было сложно определить, спал ли он вообще) и объявил, что после плотного завтрака они отправятся в грот, где стоит яхта профессора. Геллу высадят в Деоптисе, после чего она поедет домой, а Ниллона с профессором ожидает долгое морское плавание вокруг Роа.

— Вариант обогнуть материк с севера отпадает, — объяснял профессор, пока они пробирались через лес, — грядет осень, а штормы в Эйрийском море в это время чересчур жестоки. Поэтому мы обойдем берега Макхарии и Корхеи на почтительном расстоянии, чтобы избежать встречи с их судами. В любом случае, наша яхта довольно быстроходна, и мы без труда уйдем от преследования кораблей аклонтистов.

— Что насчет продовольствия? — поинтересовался Ниллон, перелезая через толстый ствол упавшей сосны.

— Купленной мною провизии должно хватить на дорогу до Карагала, к тому же я приобрел снасти для ловли рыбы.

— Но... что насчет обратной дороги, сэр?

— В Карагале должно быть полно фруктов и источников питьевой воды — питались же чем-то карагальцы, когда жили там.

«Звучит не слишком обнадеживающе... Но что поделать».

Грот, о котором говорил профессор Хиден, был достаточно глубоко врезан в береговую линию острова. Глубина, судя по цвету воды, была здесь немалой. Сбоку имелась небольшая каменистая тропинка, так что можно было проникнуть внутрь, не намочив ноги. И хотя там, куда они прошли, было уже довольно темно, Ниллон все-таки различил очертания яхты: крупная, с высокими бортами и белыми, потускневшими парусами. Судно оказалось во вполне исправном состоянии.

Ниллон, Гелла и профессор Хиден погрузили на яхту все тюки с пожитками, после чего взобрались на борт сами.

Выйдя из бухты в открытое море, они направили судно в сторону Деоптиса. Профессор Хиден стоял у руля, а Гелла изучала интерьер каюты, в тот момент, когда Ниллон закричал:

— Сюда! Сюда, скорее сюда! Идите сюда!

Профессор Хиден, а вслед за ним и Гелла, явились на зов.

— Сюда! — кричал Ниллон. — Смотрите, что там!

Со стороны Деоптиса в небо поднималось множество столбов дыма. Расстояние было велико, но все же Ниллону показалось, что где-то он заметил горящий огонь. В море неподалеку от города можно было заметить флотилию из восьми-десяти кораблей.

Профессор Хиден стремглав кинулся в каюту, и через полминуты вернулся с подозрительной трубой в руках.

— Чьи это корабли, профессор!? — вскричал Ниллон, теряя самообладание. — Что за герб на парусах?

Профессор Хиден помедлил еще несколько мгновений, напряженно сглотнул, после чего произнес голосом человека, ведомого на смерть:

— Перекрещенные сабля и гарпун. Аймерот. Похоже, война уже началась...

14. Глава 13

Тешайские равнины. Конец лета 729 года после падения Эйраконтиса

Лагерь акфоттских Ревнителей был разбит в небольшом перелеске, так что со стен Тешая едва ли можно было понять, каких размеров войско осаждает город. Негласное мнение Ревнителей было таково, что это является большим преимуществом: так как их отряд (слово «войско» было бы не совсем верным) был весьма и весьма небольшим. Отряд Алекто был кое-как пополнен за счет неумелых крестьян, попутно набранных из нескольких деревень, и в общей сумме насчитывал едва ли тысячу человек.

Немногочисленные тешайские Ревнители, которым удалось спастись от взбунтовавшейся толпы, рассказывали жуткие вещи. По их словам, основным мотивом восстания было порицание авторитета Святых Аклонтов, то есть натуральное вероотступничество. Как потом объяснил Нойросу Сфиро, здесь было очевидное преувеличение: скорее всего, волнения начались из-за произвола местной аристократии и непомерных налогов в пользу храмов. А уход сиппурийской армии на север и восстание Кровавого Мангуста в Макхариин создали благоприятные условия для бунта. Антиаклонтистские лозунги запросто могли прозвучать в толпе, а Ревнители, у которых на это дело обостренный нюх, сочли ненависть к Аклонтам основной идеей восставших.

Впрочем, в остальных вопросах у Сфиро не было оснований сомневаться в правдивости слов тешайских блюстителей веры. А они рассказали следующее.

Когда волнения возникли в нескольких небольших очагах, Ревнители полагали, что смогут разогнать толпу. Однако вскоре бунтовщики стали представлять довольно организованную и грозную силу. Пойманных вельмож и Ревнителей они вешали, прибавляли к столбам, а иногда просто забивали до смерти или рвали на куски на улицах. Часть немногочисленного гарнизона городской крепости была перебита, другая часть перешла на сторону восставших.

Настроение в лагере Алекто царило прескверное: люди изнывали от бездействия, а командиры не могли дать им вразумительного разъяснения ситуации. Вариантов действия представлялось довольно немного. Взять город при помощи такого крохотного войска можно было двумя способами: либо подкупить кого-либо из защитников города, посулив ему помилование, либо штурмовать стены при помощи веревок с крючьями.

В открытую таранить ворота было бы неразумно: это приведет к многочисленным жертвам, и город с большой вероятностью вообще не будет взят. На сооружение же осадных башен у Алекто не было ни людей, ни времени.

Почти одновременно с тешайским восстанием вспыхнуло также восстание в Хирсале, которое отправился подавлять отряд под командованием Десмы Традонт, состоящий из гвардейцев лорда-протектора и солдат акфоттского и калорского гарнизонов.

«И опять Десма обставит меня, — с грустью думал Нойрос. — Она с легкостью освободит Хирсал, а мы будем торчать здесь, как бездомные псы, и дожидаться помощи. Влип же я в историю... Должно быть, мятежные настроения зрели в этих городах уже давно, и теперь, когда войско Арака Трифтониса где-то в Виккаре, а Лэйхэджо поднял Кихташ, они выгадали момент и выступили против нас. Что за напасть? Теперь, когда Сиппур на грани столкновения с северными державами, столь могущественную страну начинают терзать внутренние распри. Это ли не насмешка судьбы?»

Между тем, Нойрос не без стыда замечал за собой крамольную мысль: он не только не испытывал ненависти к восставшим, но и даже предпринимал в своем сознании попытки как-то оправдать их действия. А еще его настораживало поведение Сфиро: макхариец проявлял к Нойросу какое-то панибратское доверие, пускаясь наедине с ним в такие рассуждения, которые, безусловно, вызвали бы негодование высшего командования. Так, он называл Алекто совершенно бездарной командиршей, которая привыкла только «давить крыс», притом в тактике ведения боя и осады совершенно ничего не смыслит.

Однако в компании других Ревнителей Сфиро был скромн и молчалив, почти не вмешивался в общий разговор, лишь изредка позволяя себе сдержанные замечания.

Нойрос был вхож в круг приближенных к Алекто Ревнителей: по вечерам ему позволялось сидеть с ней и Морасом Дайялом у одного костра. Здесь же обыкновенно бывало еще около десяти человек, в том числе Кайрен и Сфиро.

В этот раз разговор зашел про положение дел на востоке.

— Неужели кампуйцы не могут помочь Альхаро подавить мятеж? — распаялся один коротко стриженный парень, сидевший между Кайреном и Дайялом. — Как спустились бы со своих гор и — бах! — смели бы изменников! А?

— Осел! Да кампуйцы макхарийцев на дух не переносят! — возразил с другой стороны костра Гапул, изрядно подвыпивший мужчина лет сорока. — И не за что не сунут свои носы в дразги южан. У них другая задача: они нагрянут с юга на карифян, пока маршал Трифтонис отвлечет их внимание.

— Экая осведомленность! — ухмыльнулся Сфиро. — Да ты не в советниках ли у лорда Бракмоса часом? Смотри! Сейчас по пьяни все государственные секреты нам разболтаешь!

Собравшиеся громко загоготали.

— Ну, я хоть и не советник, — начал с улыбкой Морас Дайял, — но кое-какие вести с востока до меня все же дошли. Несколько дней назад Шакиф Монтейрис выдвинулся из Кайофи в Кихташ с огромным шестидесятитысячным войском.

— Принц Шакиф уничтожит предателя — в этом не может быть сомнений, — твердо заявила Алекто.

— Если только возьмет древнюю крепость Симхарат, — мягко поправил Дайял свою возлюбленную, — главный оплот кихташских мятежников.

«Вы бы лучше решили, как расправиться со своими», — мрачно подумал Нойрос.

— В Корхее также беспокойно, — с некоторой тревогой произнесла Алекто после непродолжительного перерыва в разговоре. — Яшань Демцуэль и его сторонники распаяют народ, настаивая на отделении от нашей Церкви.

— Еще одни мерзкие предатели, — проскрежетал Кайрен, громко сплюнув в костер.

— И эти, — пожалуй, самые опасные из всех, — заключила глава Ревнителей, — так как укрывают свою измену под личиной благочестия.

Когда Алекто произносила эти слова, ее темные глаза зловеще мерцали в отблесках костра, и образ ее с новой силой разжигал дикую страсть Нойроса.

«Она должна быть моей, — думал он, охваченный безумством похоти. — Как же больно находиться рядом с ней и понимать, каким ничтожеством выглядишь в ее глазах! Но ведь и Дайял, этот напыщенный олух, ей совсем не пара! Алекто пользуется его влиянием, чтобы удержаться на посту главы ордена, но как же она холодна с ним!»

— Терпеть не могу корхейцев, — проговорил Дайял, стараясь, чтобы голос его выражал больше презрения, чем ненависти. — Особенно этого ушлого посла, Кемала О'Цзуна. По мне, так все, чем он занимается — это постоянно морочит голову лорду Бракмосу, да и только. Макхарийцы дики и безумны, — Сфиро, не принимай на свой счет, — но корхейцы — другое дело: у этих мерзавцев предательство в крови — вспомнить хотя бы Духарг, павший жертвой их вероломства...

— Вы судите о народах, — спокойно заметил Сфиро с выражением легкой иронии на лице, — а я предпочитаю судить о личностях. К примеру, большинство макхарийских князьков — лишь мелкие сошки, не более. А Яшань Демцуэль — это личность.

— Ты что же, Сфиро, симпатизируешь ему? — возмутилась Алекто.

— Ничуть. Только вот что интересно. Ему в одиночку удается сеять смуту в корхейских городах, и целая толпа царедворцев не в силах помешать ему.

— Это скверным образом характеризует дом Икмерсидов, — чопорно отозвался Дайял. — Все они женолюбы и слюнтяи. Корхейцы — что еще добавить! Не обладай они столь сильным флотом, лорд Бракмос бы с ними не церемонился.

Что касается мятежных тешайцев, то с ними не удалось установить совершенно никакой связи: речи о переговорах о сдаче города даже не было. Со стороны могло показаться, что Тешай вымер: только изредка можно было увидеть, как фигуры дозорных мелькают меж зубьев городской стены. Лазутчиков бунтовщиков нигде поблизости замечено не было, никаких вылазок защитники восставшего города также не предпринимали.

Лежа по вечерам в своей палатке, Нойрос часто вспоминал момент прощания с родителями. Мать безутешно рыдала, поочередно обнимая то Нойроса, то Десму, и бессвязно причитая. Отец же, как всегда держался с достоинством, однако и в нем было заметно сдержанное волнение, но вместе с тем и гордость за своих детей.

Нойросу до ужаса не хотелось упасть в грязь лицом и дать сестре повод для самодовольных насмешек. Она всегда и во всем превосходила его: в учении, в фехтовании, в успехах по службе. Даже в их детских проказах ей все время удавалось как-то выставлять Нойроса виноватым, а самой уходить от наказания.

Но однажды... однажды Десма все-таки поплатилась за свою шалость. Нойросу тогда было лет восемь. Десма пробралась в его комнату, и подложила ему под подушку какие-то бумаги отца, в надежде, что горничная обнаружит их, и Нойросу влетит. Но старая нянька-повитуха Бетанья, дважды принимавшая роды у госпожи Аглаи, увидела, как Десма входит в комнату брата с бумагами. Отец поверил слову Бетаньи, и Десме не удалось в тот раз избежать наказания. Ее оставили без ужина и принудили ночевать во дворе, одну. С безмолвным торжеством Нойрос наблюдал из окна, как сестра одиноко бродит у дома, подходит к двери в надежде, что над ней сжалятся и впустят. Десме пришлось тогда испить чашу наказания до дна.

И теперь, когда оба они выросли и отправились на войну, Нойросу хотелось непременно доказать свое превосходство над сестрой, хотя задача эта, учитывая их разницу в чинах, едва ли могла казаться осуществимой. Нет, он не желал Десме зла, — гнал прочь эту мысль, — но сладкое детское воспоминание о восторжествовавшей справедливости не выходило у Нойроса из головы. В конце концов, ведь именно он — наследник рода Традонтов по мужской линии, и кому, как не ему, вершить великие подвиги и покрывать свое имя славой.

«Нойрос Гроза Изменников, — воображал молодой вельможа, — или Нойрос Усмиритель — звучало бы сильно! Десма свои сапоги бы съела от зависти...»

Но вся загвоздка была в том, что Нойрос сейчас простой солдат, и единственный его шанс отличиться — это показать отчаянную доблесть в бою.

Случай, произошедший с Нойросом в Акфотте накануне его отъезда, показал, что лишиться человека жизни не так уж тяжело: сталь в столкновении с плотью всегда выигрывает. Кроме того, во время продвижения к Тешаю их тренировки со Сфиросом не прекратились, а, напротив, участились. Они часто удалялись вечером за пределы лагеря и упражнялись в мастерстве владения саблей. Макхарийцу становилось все труднее побеждать Нойроса; тот уже неплохо отточил множество фехтовальных приемов защиты и нападения.

Дни шли. Тешайцы по-прежнему никак не давали о себе знать. В лагере Ревнителей преобладало напряженно-подавленное настроение. В один из дней (Нойрос уже не помнил, какой это был по счету день с момента их прибытия к стенам Тешая) произошло печальное событие. Трое солдат напились воды из ручья, вскоре после чего ощутили жуткую боль в животе и к вечеру скончались. Как потом сообщили разведчики, исток этого ручья находился где-то за стенами Тешая... Ночью умерло еще двое людей, по-видимому, пивших воду из этого же водоема.

На следующий день утром, у костра, похоже, осознав, насколько губительным может оказаться дальнейшее бездействие, Алекто объявила, что ждет всех приближенных Ревнителей на совет в ее шатре сегодня вечером. Там она обещала сообщить свой план взятия Тешая. Нойрос был весьма взволнован этим известием, однако, ему, как и многим другим из отряда Алекто, было отрадно, что томительная осада скоро окончится.

В тот же день, после обеда, когда Нойрос отошел по нужде в ближайший перелесок, к нему неожиданно подкрался Кайрен. Оказаться наедине с косоглазым бойцом было одним из наименее желательных для Нойроса событий. Не произнося ни слова, с гримасой тупой злобы на лице, Кайрен подошел к нему вплотную и, что было силы, ударил Нойроса кулаком в грудь.

От такого болезненного удара Нойрос повалился на спину, в заросли папоротника.

— Ты чего!? — вскричал он в ужасе, преодолевая боль в груди. — Что тебе нужно?

— Твоих страданий, — прорычал Кайрен, после чего еще два раза ударил Нойроса ногой в бок.

Саблю Нойрос оставил в палатке, поэтому возможности защититься у него не было.

— Небось надеешься героем стать, — злобно бросил косоглазый Ревнитель. — Слабак ты, а не герой!

Еще один сильный удар в бок. По-видимому, в рукопашной схватке у Кайрена были куда бо

льшие шансы, чем в сабельном поединке.

— Мне ведь ничего не стоит взять и пырнуть тебя саблей в пылу боя. И в ордене о тебе горевать никто не станет — даже твой новый дружок-макхариец, уж поверь.

— За что!? — вскричал Нойрос в отчаянии. — За что ты так ненавидишь меня? Ответь!

Кайрен криво ухмыльнулся и сплюнул.

— За твою знатность. И за то, каким дерьмом вы считаете нас, простых. А ведь вы из той же плоти, что и мы! И пустить кровь вам можно точно так же!

«Дайял тоже знатен, — мучительно подумал Нойрос, — но до него-то тебе не добраться».

— Я, кстати, хотел поведать тебе кое о чем, — Кайрен ослабился самым омерзительным образом. — Помнишь того мальчишку, которого Алекто велела тебе проучить? Ты справился — держался молодцом, хе-хе! Но вот только меня не проведешь... Я заметил, что он явно запал тебе в душу.

«Кшан. Его звали Кшан».

— Как бы то ни было, знай: перед самым нашим отбытием я перерезал ему горло.